

Виктория Волкова
ЛИЧНЫЙ ТРОФЕЙ
опального
ГЕНЕРАЛА 2

Виктория Борисовна Волкова

Личный трофей опального генерала. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67610568

Личный трофей опального генерала. Часть 2:

Аннотация

Жена в опасности! – рычит про себя суровый генерал Сергей Кирсанов и никак не может убедить упрямицу, что он не причастен к прошлым покушениям на нее. Александра любит мужа всем сердцем, но не готова поверить ему. Разум отказывается признать, что кто-то из близких хочет ее убить. Кирсанов не желает мириться с легкомыслием жены. За нее, за свою Санечку, он готов голыми руками разорвать врагов и их приспешников. Только знать бы, кто притаился за углом и готовится нанести удар...

Продолжение истории о генерале и Санечке.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	45
Глава 5	59
Глава 6	73
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Виктория Волкова

Личный трофей опального генерала. Часть 2

Глава 1

В отличие от старого Джамиля, обожающего навороченную технику, Реза терпеть не мог новомодные штучки. Айфон последней модели, мудреные устройства, выжимающие из себя обалденный звук и идеальное изображение. Реза считал, что все это от бесов. Пользовался самым простым смартфоном и раз в неделю открывал вацап. Поэтому и увидел фотографию Бека с женой через три дня.

– Только глупец способен дважды врезаться в эту бетонную стену, – написал он Джамилю и тут же прибавил: – Твоя внучка вышла замуж по мусульманским традициям? Никах был? Махр подарен?

– Нет, – сразу сообщил Джамиль. – Расписались в загсе. Кольцами обменялись. И все. Ты же знаешь эту молодежь, – посетовал он и решил, что разговор окончен.

– Простое обручальное кольцо не может считаться махром, – тут же сообщил Реза. – А как ты допустил, чтобы с твоей внучкой так обращались? На стоимость этой фитюль-

ки она не проживет три месяца.

– Ты прав, Реза – написал Джамиль. – Но нравы и традиции поменялись.

– На то они и традиции, чтобы никогда не меняться. Мне стыдно за тебя, Джамиль. Как ты мог отдать девочку какому-то проходимцу? Он хоть мусульманин?

– Да, – кратко написал Джамиль. – Работает в банке. Тоже из Таджикистана, но его семья давно живет в Москве. Дедушка еще по комсомольской путевке приехал.

– Отступники веры. Тогда в глазах Аллаха Кристина свободна, – сообщил Реза и добавил: – Я возьму ее четвертой женой. Через три месяца, как положено по законам Ислама. Кяфира прогнать немедленно!

Джамиль схватился за голову, понимая, что собственными руками разрушил счастье внучки. Резко стрельнуло под лопаткой. В глазах помутилось.

– Дедушка, что? – окликнул Фарид, старший внук. – Сердце? Вызвать скорую?

Джамиль кивнул и по журнальному столику двинул внуку айфон.

– Прочти. Реза написал, – еле слышно пробормотал он.

Фарид прочел, усмехнувшись. Бросил сквозь зубы:

– Если Реза приказал выгнать мужа Кристины, исполним все в точности. Не волнуйся, дедушка. Камиль сам смоется, стоит только ему намекнуть...

– Кристина любит его, – прошептал Джамиль.

– Ерунда, – фыркнул Фарид. – Не переживай! Моя сестра сделает все, как ей велят. Главное, ты не болей! – искренне обеспокоился внук и тут же позвонил в неотложку.

Скорая приехала через полчаса. А за ней подтянулась парочка черных минивэнов, из которых, как по команде, высыпали люди в балаклавах и в камуфляже. Только один человек не прятал лица и казался безоружным. Бек!

– Что здесь происходит? – строго поинтересовалась щупленькая докторша.

– Прибыли вас охранять, – с ходу соврал Кирсанов и добавил солидно: – Приказ Минздрава.

– А-а-а, – проблеяла она и отправилась вслед за кем-то из родственников к больному. Кирсанов и пара бойцов двинулись за ними.

Джамиль привстал на локте и удивленно глянул на вошедших.

– Бек... – пробормотал он. – Вот и свиделись.

– Джамиль, – коротко бросил Кирсанов. – Собирайся. Таджикистан ждет тебя.

– У этого человека сердечный приступ, – влезла в разговор врачиха. – Ему необходимо оказать помощь.

– Как зовут пациента? – строго рыкнул на доктора Кирсанов. – Что у вас в карточке написано? – уточнил он.

Девушка закопошилась в бумагах и прочитала скороговоркой:

– Керим Осоев, семьдесят девять лет. А что?

– Это известный террорист, Джамиль Турсунов, – пробурчал Бек. – Мы проводим антитеррористическую операцию, а вы, дамочка, мешаете.

– Но... – попробовала возразить врач. – У меня же вызов, и больному плохо.

Кирсанов перевел взгляд на распластавшегося на диване Джамиля, потом глянул на его внука и других родственников, стоявших по стойке смирно, и заявил:

– Всем кроме официального представителя Турсунова покинуть помещение. Доктор, приступайте к осмотру и оказанию помощи.

Родственники один за другим начали выходить из просторной гостиной, оформленной в восточном стиле.

– Если в доме находится еще кто-нибудь из пособников Джамиля Турсунова, советую выдать, – скривился Бек. – Все равно найдем, только тогда будете нести ответственность за укрывательство.

Домой Кирсанов вернулся поздно. Сын уже спал, раскинувшись на кровати, напоминающей корабль, а Санька в кабинете что-то лихорадочно набивала на клавиатуре ноутбука.

– Пост пишешь, Санечка? – устало пробурчал генерал, целуя жену в макушку.

– Нет, – она потянулась к нему. – За тебя отвечаю на вопросы для твоей пресс-конференции, – прошептала Санька,

обнимая мужа. – Гоголь прислал. Велел помочь, пока ты в поле...

– А-а-а, – изумленно протянул Кирсанов и пробурчал довольно ей на ухо: – Пойдем. Ты меня ужином покормишь, а я потом твою работу проверю.

Александра фыркнула, вертясь в его руках. Потом легонько укусила в шею и пробормотала:

– У меня все готово, Сережа. Тебя жду ужинать.

– А сама что не поела? – напрягся он. – Я же точно не знаю, когда освобожусь. Ты ешь с Алексеем. Ладно?

– Привычка, – прошептала она. – У нас дома было так заведено. Мы с мамой и Дашкой ждали папу, а потом все вместе садились за стол.

– У тебя кем твой отец работал? – весело хмыкнул Кирсанов, заранее зная ответ.

– Преподавал в институте, – улыбнулась Санька.

– То-то же, – усмехнулся Сергей, слегка ухватив жену за нос. – Корми меня, Санечка, – вздохнул тяжело. – Что-то я умаялся сегодня.

– А разве генералы на задержания ездят? – невзначай бросила Санька, ставя перед мужем тарелку с горячим борщом.... – Как мне представляется, они в кабинетах сидят, попивают чай и дают указания.

– Верно, – кивнул Кирсанов, зачерпывая ложкой рубиновую массу. – Пахнет-то как! – протянул восхищенно. – Ла-ра не так борщ варит, – доложил тут же и недовольно доба-

вил: – Я поехал и как свидетель. Бойцов, кто тогда освобождал заложников, в отряде уже почти не осталось. Только я и Крепс. А Джамиль – он же хитрый сукин сын. Обведет вокруг пальца любого. Вот и пришлось... Ну его! Сейчас уже небось летит в Душанбе. Кому-то по освобождении преподнес барашка в бумажке, вот и выписали новый паспорт. Стал другим человеком. Обнаглел и в Москву приперся! Долго он жил под чужой личиной. Года три. Ладно... – отмахнулся Кирсанов. – Давай читай вопросы и свои ответы. Или погоди... Я сам!

После ужина Александра, поджав ноги, сидела в кабинете мужа и не таясь наблюдала, как Сергей внимательно смотрит в монитор. Ругается себе под нос, а после вчитывается в Санькино творчество.

– Молодец, – похвалил он, дойдя до конца. – Я бы сам долго голову ломал.

– Тебе понравилось? – осторожно поинтересовалась она. – Я пыталась представить, как бы ответил ты.

– Нецензурно ругаться в общественных местах запрещено, – фыркнул Кирсанов, плюхаясь рядом. – А у меня только отборный мат вместо ответов.

Санька хихикнула, прижимаясь к мужу.

– Теперь придется все это выучить, Сережа!

– Я тебе что, попугай Кеша? – изумился он. – Что-то запомнил, на что-то сам что-нибудь наплету, а кое-где загляну в твою распечатку, – рассмеялся он, сгребая ее в охапку. –

Некоторые ответы прямо в точку, Сань!

– Какие? – прошептала она, оглаживая ладошкой его грудь.

– Ну про пенсию блестящий ответ. «Как вы относитесь к пенсионной реформе?» – «Буду дольше ощущать себя молодым». Или вот, – Кирсанов подскочил к столу, заглянул в ноутбук. – «Как могли в спецподразделении оказаться откровенные грабители?» И твой ответ: «В любую профессию приходят разные люди. Одни журналисты пытаются разобраться в ситуации и донести до читателей правду, а другие гнались за принцессой Дианой в Париже и по сути убили двух человек». Не в бровь, а в глаз, Санечка!

– Служу Советскому Союзу, – фыркнула Александра и тут же получила легкий шлепок по попе.

– Пойдем в баньке поваляемся, Сань, – ласково попросил Кирсанов и, поморщившись, отмахнулся. – Эта конференция – ерунда. Только время терять. Вопросы известны, ответы тоже. Зачем собираться?

– Чтобы повысить статусность мероприятия, – терпеливо объяснила Александра. – Но по большому счету, самая настоящая симуляция бурной деятельности. Сибурде!

– Что? – захохотал Кирсанов, повалив жену на диван. – Сейчас я тебе покажу сибурде, – зарычал он, стаскивая с нее халат.

Но через пару дней оказалось, что и Санька, и Кирсанов ошибались. Вместо десятка журналистов оговоренных ранее

издательств и телеканалов набился полный зал.

– Ну как брифинг президента, – хмыкнул пресс-секретарь. – Повезло вам, Сергей Юрьевич!

– Воистину, – пробурчал под нос Кирсанов. – Вся Москва здесь, что ли? – охнул он, глядя в монитор, как в зал приносят дополнительные приставные стулья. – Мы так не договаривались, – рыкнул он и, захватив Санькины распечатки, не спеша пошел на сцену. Уселся за длинный стол и, пока пресс-секретарь буровил что-то о порядке проведения мероприятия, чинно оторыл папку и с умным видом пролистнул бумаги. Остановил взгляд на кошачьих мордочках и сердечках, нарисованных на полях Александрой, а перевернув последний, лист обалдел.

«Сережа, – писала жена округлым красивым почерком. – Не бойсь, ты всех победишь! Главное, говори, пусть даже и ответишь не на то, что спрашивали. Не бойся попросить повторить. Это дает время поразмыслить. Не делай зверское лицо и шути побольше. Мы с Лешиком смотрим на тебя по телевизору и страшно боеем за твой успех. Давай, папа, ты самый лучший!»

А внизу шли каракули сына и отпечаток губ, накрашенных красной помадой.

«Жена! Санечка моя!» – мысленно усмехнулся Кирсанов, желая как можно скорее оказаться дома. Уткнуться носом в Санькину макушку. Подхватить жену на руки и вместе с ней спуститься вниз, в банно-прачечный комбинат, как звала

фитнес-зону Санька.

«Как вообще я жил без нее и Алексея!» – изумился он про себя и будто очнулся, когда кто-то из журналистов задал первый вопрос. Все шло по накатанной, и Кирсанов внутренне расслабился, предвкушая скорое завершение мероприятия и возвращение домой.

«Супчик, баня, все дела... – радостно пронеслось в голове. – А к вечеру можно будет с Алексеем на санках покататься!» – подумал он и сумрачно уставился на поднявшего руку парня в длинном свитере с растянутым горлом и давным-давно небритыми щеками.

– Объясните нам, Сергей Юрьевич, – хамовито начал грязнуля-журналист. – Вот вы говорите, что бойцы «Секиры» – ваша семья. А что лично вы можете знать о семье, если выросли в детдоме и своей семьи у вас нет до сих пор? Наверное, в этом кроется причина, что именно ваши подчиненные решились на ограбление банка?

«Сравнил хрен с пальцем, – мысленно ощерился Кирсанов. – Ну и вопрос идиотский! Что отвечать будем, Сань?» – поинтересовался у жены.

– Армия – это не детский сад, молодой человек, – пробурчал он и, улыбнувшись, осведомился: – А почему вы решили, что у меня нет семьи? Я вроде женат, – усмехнулся он, разводя руками.

– Я запрашивал данные, – кинулся в бой журналистик. – Нет у вас никакой жены. Я проверял...

– Значит, плохо проверяли, – рыкнул Бек.

– А на ком вы женаты? – не унимался журналист. – Свидетелей нет!

– На матери моего сына, – добродушно под смех зала заявил Кирсанов. – Но полагаю, это к теме пресс-конференции не относится.

– Почему же? – вскинулся журналист. – Может быть, вы специально подговорили своих подчиненных ограбить банк. Ради молодой жены...

– Моя непричастность к преступлению доказана следствием, – прорычал Кирсанов, теряя терпение. – У себя в подразделении мы усилим воспитательную работу.

– А вы понимаете, сколько денег из бюджета потрачено впустую на обучение каждого из грабителей?

– Я знаю точную цифру, – сердито заметил Кирсанов. – Чуть меньше пяти миллионов рублей. Но в жизни всякое бывает. Кто-то погибает во время выполнения задания, а этим парням вздумалось показать удаль молодецкую. Я так понимаю, что они столкнулись в банке с отсутствием профессионализма и решили, что ограбить кассу ничего не стоит. Думали, что их не вычислят. Несмываемый позор на всех нас, скажете вы? Но я так не считаю. Просто дурни!

– А как же бюджетные деньги? Налогоплательщики имеют право знать! – крикнул кто-то с крайнего ряда.

– Суд назначит меру наказания, – кивнул Кирсанов, вставая. Бережно сложил в папку свои бумаги и направился к

выходу.

– Подождите, – закричал неугомонный журналист. – Мы имеем право...

– Ребят, – душевно попросил Кирсанов. – Вот пресс-секретарь, он тоже в теме. Задавайте вопросы ему. А меня служба ждет.

– Вы и в Москве ловите террористов? – ехидно осведомилась какая-то девица, всем своим видом показывающая, что подозревает генерала в бегстве.

– Несколько часов назад одного поймали, – буркнул Бек. – Вчера из России экстрадирован член преступной группировки, захватившей самолет с пассажирами. Некто Джамиль Турсунов. Так что работаем и в Москве, ребята!

– В Москве?! – послышалось со всех сторон. – Этого не может быть, – запричитали сразу с нескольких мест. – А как вы его нашли?

– «Секира» провела операцию совместно с ФСБ, – скромно заметил Кирсанов и удалился.

– Всю информацию можно будет получить в нашем пресс-релизе, – донесся до него голос пресс-секретаря.

«Чуть не съели, – мысленно усмехнулся Кирсанов. – Да зубы не выросли», – хмыкнул он, садясь в ожидавшую его машину.

– Все обошлось, Бек? – напряженно поинтересовался Асисяй, плюхаясь рядом с водителем.

– Оптичили мероприятие, – пробубнил Кирсанов, наде-

ясь, что никогда больше не вернется к этой поганой истории.

«Слава богу, что тут в Москве Джамиль подвернулся. Хоть со службы из-за двух охломонов не полетел. На волосок был от отставки!» – мысленно перекрестился Кирсанов, решив, что странная история с грабежом лично для него закончилась.

На другом конце Москвы, пока шла пресс-конференция, пожилой человек внимательно вглядывался в экран.

– Вон Шурка какого мужа себе оторвала, – скривился он, во все глаза пялясь на широкоплечего будто вытесанного из камня генерала, спокойно и уверенно отвечающего журналистам.

– Отцепись от нее, – пробурчала крашеная блондинка лет пятидесяти, сидевшая рядом на диване. – Такому если попадешься, он тебя на куски порвет, как Тузик грелку.

– Видали мы таких тузиков, – сварливо бросил мужчина. – Она мне угрожает. И если правда выплывет наружу, – закашлялся он от возмущения, – то я все потеряю. Понимаешь ты это, дурья башка?

– Шурка, вроде, перестала шантажировать. Видать, у генерала денег больше, чем у тебя, – ехидно обронила женщина. – Вот и ты затаись. Будет снова угрожать, тогда и примешь меры, – заметила она и погладила маленькую собачку, запрыгнувшую на диван. – Ты есть хочешь, Фунтик? – рассмеелась она. – Мы же тебя кормили час назад.

– Прожорливая скотина, – пробурчал мужчина. – Зачем ты его только с собой взяла?

– А куда его? Да и я к нему привыкла. Как сыночек он мне...

– Сыночек, – процедил с издевкой мужчина. – Шерстяной сынок, – захохотал в голос.

– Все лучше, чем твои дети, – осадила его женщина.

– Наверное, – кивнул он и снова прилип к экрану, где бравый генерал рассказывал о поимке террориста.

– Быстро дай мне ручку и бумагу, – прикрикнул он на любовницу. – Кажется, можно обтяпать дельце чужими руками.

– Смотри, чтобы эти руки тебе башку не скрутили, – зло бросила женщина. – Нашел с кем связаться!

– Проверю все, тогда решу, – рыкнул мужчина угрожающе. – Рот закрой. Надоела!

Глава 2

Толик Меньшиков, подрабатывающий внештатником в солидном издательстве, ужасно гордился собой. Вот так заглянул на конференцию в пресс-центр Министерства обороны, задал несколько провокационных вопросов – и шашка в дамках! Заказчик доволен, а на кармане вот-вот появится тысяча евро. Умереть не встать! Почти восемьдесят тысяч рублей.

«Начну откладывать, – сам себе поклялся Толик, прекрасно понимая, что спустит деньги при первой же возможности. – Хотя, если пришли легко, так и нужно с ними расстаться. Ленке на платье дам. Или нет? Обойдется стерва! Матери на зубы добавлю. Зачем только зубы старой лошади? – хмыкнул он про себя. – Лучше на счет в банке положить. Пусть процент капает. И никому ни слова!»

Поэтому, когда жена сердито поинтересовалась, куда это его понесло на ночь глядя, Толик пробурчал что-то неопределенное про тайного информатора по делу Кирсанова и быстренько смотался из дома.

«Нагнал туману, – весело усмехнулся он, сбегая по ступенькам. – Ничего, пусть уважает. Сука!» – И неожиданно вспомнив детский тайный язык, пропел себе под нос:

– Ле-фа-на-фа па-фа-для-фа!

Тогда в детстве казалось, что добавлять в слова лишний

слог они додумались сами. А потом уже, учась на журфаке, Толик сильно удивился, узнав, что это тюремный сленг.

– Криминализация всей страны, – пробурчал он и поморщился, оглядываясь по сторонам. Сыпался мелкий снег, да и ветер срывался нешуточный.

– Пурга, мать его, – скривился Меньшиков и бодро потрусил к метро. Заказчик жил где-то на окраине, и ехать к нему предстояло не меньше часа.

– Здравсьте, – хмыкнул Толик в трубку, заходя в здание метрополитена. – Когда к вам можно подъехать? – уточнил он нахально.

– Да хоть сейчас, – пробурчали в ответ. – Но я на даче. У меня тут все хранится.

– Ну ладно, – с сомнением в голосе согласился Толик. – Адрес диктуйте, сейчас приеду. Он сумрачно взгляделся в белый листок блокнота, где умудрился накарять название поселка и улицу.

«Абрикосовая, блин, – хмыкнул про себя Меньшиков и мысленно пропел из Антонова: – Пройдусь по Абрикосовой, сверну на Виноградную...»

Он покосился на часы, лихорадочно соображая.

«Без пятнадцати семь, – пробурчал он про себя. – К полуночи должен домой вернуться, – скривился он. – А если позже карета превратится в тыкву, а Ленка в фурию. Будет потом до утра выяснять, к кому таскался. К Жанке или к Катке... – весело ухмыльнулся он и, скривившись, отметил

довольно: – Ревнует сучка! Это хорошо!»

В метро он отвлекся от семейных проблем, опустив глаза в новую книгу Тони Робинса. Что-то там про деньги и экономию. И в электричке снова читал известного коуча, в надежде нахвататься идей и разбогатеть. Только вот не предугадал, что за городом холоднее. Через куртку задувал ветер, голова без шапки грозила скатиться с плеч и упасть в первый попавшийся сугроб, а ноги промокли от набившегося внутрь снега.

Поэтому, когда заказчик пригласил пройти и испить чайку, Меньшиков нехотая вспомнив, что не успел поужинать, с удовольствием стянул с себя мокрую обувь и холодную куртку.

– Проходите, пожалуйста, – елеино пробасил солидный дядька с бородкой и в домашней вельветовой куртке. – Вот сюда, на кухню, – махнул он в сторону темного коридора. Жена сегодня вкусных плюшек купила. Будем вас чаем угощать и за жизнь разговаривать, – хихикнул он, пропуская Толика вперед.

«За жисть мне с тобой болтать некогда, дядя, – мысленно скривился Меньшиков. – А вот чашка чая точно не помешает. Тем более с плюшками», – про себя хохотнул он и уже шагнул в ярко освещенную плохо прибранную кухню, когда ему под ноги кинулась мелкая гавкучая собачонка.

– Фунтик, – прикрикнула на собаку худая тетка в цветастом платье и с пергидрольными кудряшками на башке. –

Свои, свои, – повторила она, поднимая псину на руки и прижимая к своей субтильной груди. Толик отвлекся, презрительно глядя на трясущуюся от страха, но не переставшую лаять собачонку. И не заметил движения сзади. Он лишь почувствовал, как на голову свалилось что-то тяжелое, и очнулся уже в наручниках в обшарпанном, но теплом подвале.

– Хоть тут повезло, – хмыкнул про себя, понимая, что его вот-вот найдут или освободят. Пусть даже и без денег.

Но проходили часы, потом день сменился ночью, а никто так за ним и не пришел.

«Я еще жене всякой дури наплел, – мысленно хмыкнул Меньшиков. – Если и будут искать, то уж точно не здесь. И телефон отобрали, гады».

Он оглядел свою камеру. Кровать и ведро в углу.

«Когда придут менять парашу, можно напасть», – решил он про себя и закрыл глаза, пытаясь прикинуть, как лучше получить долгожданную свободу. Толик проснулся, когда в замке провернулся ключ. Женская рука с маникюром просунула в щель одноразовую плоскую тарелку с рисовой кашей и тут же исчезла. Меньшиков встал и на негнущихся ногах прошел к тарелке. Схватил пальцами теплое варево и принялся жадно есть. А потом лег на кровать и уснул. В следующий раз он проснулся, почувствовав укол в бедро. Заказчик стоял над ним и аккуратно вводил какое-то лекарство.

– Поспи, дружок, – ласково пробормотал он. – Утомился, набегался...

Любой другой бы в данной ситуации воспринял такие речи как издевательства, а Толик послушно кивнул, закрывая глаза, и снова провалился в глубокий сон.

Александру внутренне разрывало на части. С одной стороны, ее переполняла любовь к Кирсанову и сердце радостно пело, а с другой – подозрения будто сучковатой палкой бередили душу. Хотелось рассказать мужу о своих догадках. Так, обмолвиться невзначай. И посмотреть на реакцию. Где-то на задворках сознания билась мысль, что Сергей никак не причастен к случившемуся. Ну не стал бы он лично подрезать тормоза, да и давать такие указания не в его характере.

«Если он не виноват, а я ляпну сдуру, то Сережа обидится», – мысленно вздохнула она, понимая, что уже ни в чем не уверена.

А вечером позвонила тетка, сестра отца, оставшаяся в родном городе.

– Я к тебе заходила, Шурочка, – попеняла она племяннице. – Даже не знала, что ты уехала.

– Все слишком быстро получилось, – принялась оправдываться Санька. – Я теперь в Москве живу, тетя Люся.

– Да знаю я, – недовольно хмыкнула тетка. – Видела в твоей инстаграмме! Замуж вышла, а меня на свадьбу даже позвать не захотела!

– Мы одним днем расписались, – пробурчала Александра, мысленно прикидывая, как отвязаться от назойливой род-

ственницы.

– У тебя из родни только я осталась, – сварливо заметила тетка. – А ты пренебрегаешь, Шура, – просипела она.

– Мне звонят, тетя Люся, – попыталась закончить беседу Санька. – Важный клиент.

– Так всегда, – тяжело вздохнула тетка. – А я тебе по делу звоню, Александра.

– Что-то случилось? – осторожно осведомилась Санька.

– Ой, случи-и-лось, – завывала Люся. – Ромочка Поморов отправился на небеса. Я заходила к его родителям. Все в шоке. Генрих Иванович черный от горя.

– Закономерный итог, – отрезала Александра, пытаясь припомнить, убивалась ли так тетка, когда погибла Олечка.

– Для родителей все равно беда. Вон оба на десять лет постарели. Ты бы позвонила им, что ли? Все не чужие люди! А кто у тебя остался, Шур? Ты да я, да мы с тобою!

– Хорошо, тетя Люся, – пробубнила Санька, лишь бы отделаться.

«Звонить родителям Олечки и выражать соболезнования по поводу смерти Романа – просто сюр какой-то!» – мысленно усмехнулась она и тут же перевела разговор:

– А вы как, тетя Люсь?

После личных вопросов тетка обычно сворачивала беседу. Ничего о себе старалась не рассказывать. В гости даже до ссоры с братом приглашала редко и никогда ни с кем из своих мужиков не знакомила.

– А зачем попусту время тратить? – отрезала она как-то матери. – Вот замуж соберусь, тогда...

Да так и не вышла. Крутила любовь с каким-то богатым мужиком, но ни разу даже именем его не обмолвилась. Штирлиц, блин! Правда, на этот раз быстро распрощаться не удалось.

– Мой друг, – затараторила тетка. – Он же уже давно в Москву переехал. Меня к себе зовет. Вот я следом за ним еду. Как декабристка, Шура!

– А... – протянула Санька, не в силах вымолвить ни слова. «Только Люси мне тут не хватало», – подумала раздраженно.

– У него квартира где-то в центре. Недалеко от Цветного бульвара. Я как перееду, тебе позвоню, – заверила тетка и прервала беседу.

– Ничего не меняется, – себе под нос пробурчала Александра, прекрасно зная привычку тетки обрывать разговор не прощаясь. – Да и Москва – огромный мегаполис. Можно жить в соседних домах и никогда не встретиться.

Распрощавшись с теткой, Санька пошла на кухню, где Лариса уже месила тесто на пирожки, а Лешик с удовольствием вертелся вокруг, лез в муку и что-то лепил из кусочка теста, выданного теткой.

«У меня есть сын и муж, – подумала Александра, любясь измазанной мордашкой и деловым видом Лешика. – С Аленой и Ларой отношения вроде наладились. Есть Эля – подружка по Инстаграм. А больше и нет никого. А нужен

ли еще кто? – спросила она сама себя голосом мамы. – У счастливой женщины мало подруг, Шурочка. Да и Люся наша – противная особа. Уж точно с ней дружить не получится. – Александра вздохнула, раскатывая маленький кругляшок теста и кладя внутрь начинку. – Папа с ней поругался вроде, – вспомнила она. – Что там между ними произошло?» – мысленно пожала плечами.

– Я хочу в Никифоровку завтра съездить, – тихо, пока отвлекся Лешик, пробормотала золовка. – Вдруг ты права, Саша. А мы с перепугу ни в чем даже не разобрались. Разбежались со страха в разные стороны...

– Не вини себя и Алену, – заметила Санька. – В том аду, что вы оказались, взрослому трудно понять что происходит. А вы были детьми.

– За сорок два года мы успели вырасти, – невесело усмехнулась золовка. – Но мне даже в голову не пришло проводить какие-то расследования. Боялась подумать об этом. Алена до сих пор против. Говорит, зачем старую беду ворошить.

– Сама поедешь? – уточнила Александра. – Хотя это теперь Москва, но одной ехать не стоит. Давай я с тобой прокачусь? Лешика утром в детский сад отведу. Он уже в новой группе освоился.

– А заберет кто? – напряженно осведомилась Лариса.

– Так успеем до вечера, – отмахнулась Санька. – Или Сергея попрошу.

– На него надежды мало, – печально вздохнула золовка. –

Хоть и генерал, а человек подневольный. Как зашлют куда, – фыркнула она, деловито собирая края теста в косичку.

– Диму или Славу попросим, – пожалала плечами Александра. – И то при случае, если мы опоздаем.

– Если всю «Секиру» отправят, то и Крепс с Асисяем тут не останутся. Это пока Сережка в городе, на них можно рассчитывать. А как он уедет, то и они следом. Как ниточка за иголочкой. Да и нашему главнокомандующему доложить о поездке придется.

– Само собой, – улыбнулась Санька и из остатков теста слепила сыну птичку. Вставила вместо глазка изюминку. – Гляди, сыночек, жаворонок.

– Раньше такие перед Пасхой пекли, – добродушно усмехнулась Лариса и добавила радостно: – Это хорошо, что ты со мной поедешь. Спасибо, Саш!

Кирсанов, злой и насупленный, вернулся домой, когда Александра с Ларой купали Лешика. Санька слышала быстрые шаги, стук двери в кабинет. Потом муж метнулся на кухню, прогрохотал там посудой и с воплями: «Ничего не найдешь в этом доме!» – отбыл в кабинет.

– Ужинать не хочу, – рыкнул он, заглянув в ванную.

– Не влезай, убьет, – прошептала золовка, подавая Саньке полотенце.

– Все плохо? – вскинулась Александра.

– Когда он такой приходит, – поделилась наблюдениями Лара, – его лучше не трогать. Видимо, большие неприятно-

сти. Я потом у Гоголя узнаю, – пробормотала она. – Может, случилось что...

Но уложив сына в постель, Александра решила пренебречь советом Ларисы. Она тихонечко приоткрыла дверь в кабинет, увидела мужа, лежащего на диване в форменных брюках и рубашке. Руки за головой, глаза в потолок. Заметила китель, валявшийся в кресле, а рядом с ним галстук, и позвала тихо:

– Сереж...

– Иди ко мне, Санечка, – тяжело вздохнул он и, когда она юркнула к нему под мышку, обнял крепко и поцеловал в макушку. – Счастье мое, – пробурчал чуть слышно. – Вот как выгонят меня с волчьим билетом, что делать будешь?

– Ничего, – изумилась она, привстав на локте и внимательно глядя ему в глаза. – Что случилось, Сережа?

– Ну как же ничего, – пророкотал он. – Выходила замуж за генерала, а назавтра можешь стать женой безработного.

– Я выходила замуж за человека, – отрезала Александра. – Перестань ныть, Кирсанов. Такие профи, как ты, без дела не сидят.

– Протирать штаны в банке или в дурацком холдинге не хочу. И чью-то жопу охранять не желаю, только потому, что ее хозяин успел бабла наскирдовать в девяностые. Не для меня это, Санечка!

– Ну конечно, – воскликнула она, строго глянув на него. – Для тебя такая работа не по званию! У нас в банке начальни-

ком службы безопасности полковник был. А Павлов в каком звании уволился?

– Тоже полковник, – кивнул Кирсанов.

– Вот видишь, – вздохнула Санька, водя пальчиком по груди мужа. – А тебе нужно идти в какой-нибудь научный институт. Ну знаешь, где планируют стратегии и тактики...

– Давно зовут, – хмыкнул Кирсанов и добавил, поморщившись: – Может, ты и права... А вдруг не возьмут? Года три назад предлагали.

– Ну в крайнем случае, Кирсанов, пойдешь на стройку...

– Я? Зачем? – охнул он и свирепо уставился на нее.

– Ну-у-у, – протянула она. – Работать будешь. Гвозди забивать, сваи заколачивать...

– Это я могу, – фыркнул Кирсанов, подминая жену под себя. – Сваю заколочу или гвоздь забью, – рассмеялся он, нависая над ней.

Немногим позже, когда муж жадно хлебал бульон из большой белой кружки и заедал его пирожками, а Александра с Ларисой пили чай, разговор вернулся к Никифоровке и завтрашней поездке.

– Да я не против, – пробурчал с набитым ртом Кирсанов. – Хоть на могилу к матери съездим, – и обведя своих «бабонек» спокойным взглядом, обронил небрежно: – Меня опять в отпуск отправили. Поедем все вместе. А вернемся, я на базу сгоняю, – будто от зубной боли, поморщился он.

– Что случилось, Сережа? – напряженно поинтересова-

лась Александра.

– Да хрень какая-то, – отмахнулся он. – Три дня назад пропал журналист Меньшиков. Ушел вечером из дома и не вернулся.

– А ты тут при чем? – удивленно воззрилась на брата Лариса.

– Понятия не имею, – тяжело вздохнул Кирсанов. – Но этот придурок уходя сообщил жене, что у него встреча с информатором по делу генерала Кирсанова. По моему то есть, – уточнил он. – А так как его уже три дня нет среди живых и мертвых, то возбуждено следствие. А я главный подозреваемый. Вот меня руководство в отпуск и отправило, – грустно усмехнулся Сергей.

– Чушь какая-то, – пробормотала Лара. – Хочешь, я со своими знакомыми в МВД поговорю?

– Да ну, – отмахнулся брат. – Все выяснится. Я же крысеныша не крал! Небось где-то у бабы отирается. Найдется!

– Сережа, – задумчиво пробубнила Санька, испытующе глядя на мужа. – Нужно найти этого человека. Он же не иглока в стогу сена!

– Ищут, Санечка, – тяжело вздохнул Кирсанов. – Полиция, «Лиза Аллерт». Пока безрезультатно.

– Тогда я брошу объявление в инстаграм, – решительно заявила Александра. – Может, так удастся его отыскать.

– Попробуй, – передернул плечами Сергей и, наклонившись к ней, чмокнул в губы.

И пока муж с золовкой решали, как лучше спланировать завтрашнюю поездку в Никифоровку, Санька с телефона вошла в инстаграм и быстро набрала пост: «Ребят, может, кто видел? Пропал человек!!!». Она сразу опубликовала найденную на просторах интернета фотографию Меньшикова, а заранее подготовленный пост о детских развивающих играх отправила в облако.

«Сейчас не до этого», – мысленно проворчала она, решив полностью сосредоточиться на поиске журналиста.

– Ты хорошо влияешь на моего брата, – прошептала Лариса, когда они вдвоем убрали со стола, а Кирсанов в спальне со своего аккаунта в инстаграме отслеживал ответы Санькиных подписчиков. – Другим человеком стал, – добавила она смущаясь. – Мы с Аленой молимся за ваше счастье. Ты уж прости меня, ладно? – покаянно склонила голову Лара. – Я думала, что Леша тебе – вынужденная обуза.

– Нет, – сквозь слезы улыбнулась Санька. – Он – мой ребенок, понимаешь?

– Теперь да, – кивнула Лара. – Поэтому и прошу прощения.

– Все давно забыто, – вздохнула Александра. – Выйдя замуж за твоего брата, я отбросила обиды в сторону.

– Спасибо, – прошептала сквозь слезы Лариса и неожиданно кинулась Саньке на шею.

– Вы чего тут? – раздался требовательный генеральский глас.

– Плачем, – взмахнула тонкой лапкой Лариса.

– Угу, – пробубнила Санька, вытирая слезы.

– А-а-а, – промычал, ничего не понимая, Кирсанов и, почесав репу, поинтересовался дурашливо: – Санечка, я тут подумал... Может, завтра Алексея с собой возьмем?

Глава 3

Кирсанов заметил хвост, как только выехали со двора. Малоприметная серая мазда увязалась следом, и на Гоголевском бульваре Сергей Юрьевич, попробовав оторваться, повернул на догорающий последние мгновения желтый. Мазда, нарушая правила, резво пронеслась на красный.

– За нами хвост, – позвонил из следующей по пятам машины Асисяй.

– Да знаю я, – отмахнулся Бек, выезжая на проспект. – Наверное, журналисты...

– Мы по номерам пробили, – отрапортовал помощник. – Это служебная машина издательства...

– А-а, – протянул Кирсанов. – Коллеги Меньшикова....

– Ну да, – неохотно хмыкнул Славка.

– Пусть едут, – криво усмехнулся генерал и покосился в зеркало заднего вида на жену и сына.

Алексей, устроившись прямо за пассажирским сиденьем, что-то рисовал, разложив по приставному столику альбом и фломастеры. Периодически смотрел на мать и наивно интересовался: «Правда, хорошо, мам!»

Кирсанов улыбнулся, поймав себя на мысли, что в последнее время в его душе поселился потаенный страх. Не за себя, глупости какие! За Санечку и ребенка. Постоянно казалось, что счастье – как эфемерная субстанция. Раз – и исчезло!

Но каждое утро он просыпался, сжимая в объятиях Санечку. Целовал ее, млея от счастья, потом шел к сыну. Малыш спал в своей мудреной кровати со штурвалом и парусами. И тогда Кирсанов понимал, что семья – вот она рядом. Главное, самому не облажаться и не потерять! Он еще раз глянул в зеркало заднего вида, поймал Санькин взгляд, подмигнул по-мальчишески, а она, подавшись вперед, погладила его по бритой башке. И от этого легкого и детского прикосновения захотелось запеть. Только генералам не положено! Влюбился бы лейтенантом, горланил бы под Санечкиными окнами по ночам серенады.

– Уже скоро, – улыбнулся он жене и сыну и, скосив взгляд на сестру, дремавшую рядом, велел:

– Лара, звони Валентине, пусть ворота заранее отопрет, – и поймав встревоженный взгляд жены, пояснил: – В нашем доме в Никифоровке живет младшая сестра матери. Ее дом сгорел, так она к нам переехала.

– Все равно никому не нужный стоит, – поддакнула Лара и быстро тыкнула пальцем в смартфон. – Теть Валь, – протянула в трубку. – Сережа велит ворота открыть... Да, – кивнула она. – Где-то через полчаса приедем.

Лариса повздохала немного, покивала невидимой собеседнице и, попрощавшись, повернулась к Саньке.

– У нее ноги больные, вес лишний, еле ходит. А все никак забрать не можем. Не хочет в центре Москвы жить.

– А я думала, вы туда вообще не ездите, – вздохнула Сань-

ка.

– Ну как это? – пробубнил Кирсанов. – Там же мама похоронена. Алена каждые полгода убирать приезжает. А мы с Гоголем на рыбалку или на охоту наведываемся. Там места отличные, Сань. Озеро, лес. Красота! Тебе понравится!

– Вот у всех генералов дачи на Рублевке или в Серебряном бору, а у нас родительский дом в Никифоровке, – всплеснула руками Лариса. – Как попрут тебя, Серый, на пенсию, так и останешься без дачи в элитном поселке.

– Ага, – фыркнул Кирсанов, – кто-то просил! Да и кому она нужна была, Лара, если я все время в горячих точках торчал. Теперь вот можно и прикупить. Что скажете, Александра Андреевна?

Санька вздохнула, не зная, что и ответить. А пока она собиралась с мыслями, в разговор встрял Лешик:

– А что такое горячая точка, пап?

– Ну место такое, – пробурчал Кирсанов. – Там всегда жарко.

– Там пляж и море? – уточнил Лешик и радостно похвастался: – Мы с мамой ездили! Я даже в море купался!

– Здорово, Алексей, – мотнул головой Кирсанов, сияясь не расхохотаться.

«Ну да, море и пляж... Как же», – мысленно усмехнулся он.

– Ага! – вскрикнул малыш. – Еще поедем в горячую точку?

– На море поедем, сынок, – кивнул Кирсанов, сворачивая в поселок, и оглянулся на повороте. – Едут как приклеенные, – поморщился он недовольно. – Санечка, ты с Алексеем и Ларой, сразу в дом заходи. Информация о моей семье в свободном доступе недопустима. А с этих папарацев станется. Им же только сенсацию устроить. Хоть на одну минуту.

– Хорошо, – согласилась Санька и, когда машина заехала в высокие красные ворота и пожилая толстая женщина принялась их закрывать, поднялась вместе с сыном на крыльцо обычного двухэтажного дома из белого кирпича.

– Это отец строил, – пробурчала Лара, заходя следом.

– Здесь все произошло? – изумилась Александра, поежившись.

– Нет, – мотнула головой Лариса. – Во дворе еще старый дом стоял. Его потом Сережка снес. Этот только построили и осенью переезжать планировали. После рождения ребенка.

– Отец сам строил? – удивилась Санька.

– Да, – отмахнулась, заходя в дом, мужнина тетка. – Юрка додельный был. Кто ж знал, что так обернется!

– А Сергей где? – требовательно осведомилась Лариса.

– К журналистам пошел, – пожалла плечами тетка. – И парни с ним. Дима со Славой. – Она перевела взгляд на ребенка и пропела радостно: – А это у нас кто такой?

– Меня зовут Алексей, – чинно представился Лешик и, испугавшись чужого человека, быстро спрятался за ногу матери.

– Проходи, Шурочка, – улыбнулась Саньке хозяйка. – Сейчас Сережа вернется, чаевничать станем.

Александра в смятении глянула в окно, но в полуоткрытую калитку ничего разглядеть не удалось.

«Выйти бы со двора, – подумалось ей. – Рассмотреть, что там происходит!»

Она уже представляла, как Асисяй с Крепсом разбивают дорожные камеры и велят убраться прочь, когда калитка распахнулась и во двор вступил сначала Кирсанов, а за ним гуськом двигалась вся журналистская шатия-братия. Три человека. Два парня и девушка.

Девчонка с фиолетовыми волосами в черной хламиде по колено и высокий худой парень в модной куртке шли впереди, а за ними неохотно брел коренастый крепыш в кепке и в кожаной пилотной куртке. И если шествующую впереди парочку Александра видела впервые в жизни, то в последнем парне тут же признала сетевого поэта-матерщинника Красного Перца, в миру известного как Женя Маляев.

«Вот же блин! – про себя ругнулась Санька. – С чего бы Кирсанов их в дом позвал?»

– Пойдем на кухню, – пробурчала тетя Валя. – Сейчас напустит придурков полную хату. Грязи нанесут, все запасы съедят.

– Мы тебе пирожки привезли, – улыбнулась Лара. – Ставь чайник...

Александра вместе с сыном уселась на узкий деревянный

диванчик, оббитый гобеленом, и внимательно глянула на Сережкину тетку, выставляющую на стол обычные красные чашки в белый горох и банку с облепиховым вареньем.

– Оно полезное очень, – заверила Саньку Валентина, показывая на баночку с оранжевым месивом. Облепиха у нас своя. На участке растет. Сережка аж три деревца посадил.

– Только они с шипами, – со вздохом пожаловалась Лариса. – Собирать невозможно.

– Прям-таки, – добродушно фыркнула тетка. – Я вон рубашку с длинным рукавом надела, перчатки старые – и вперед. – Она с улыбкой глянула на Лешика, будто не могла налюбоваться, и деловито отрезала: – С собой возьмешь, Шурочка. Лешеньке полезно. Иммунитет укрепляет.

Санька кивнула соглашаясь. Кто бы отказался от такой вкуснотищи! И только пробормотала: «Спасибо!», когда открылась входная дверь и в коридоре послышались шаги. Сначала уверенные Кирсановские, а потом кто-то замешкался.

– Проходите, товарищи борзописцы, – весело заявил генерал. – Телефоны, камеры и прочую технику вот сюда на столик складывайте, – приказал он. – Обувь снимать не обязательно, но ноги советую вытереть хорошо.

Санька прислушалась к глухому стуку, доносившемуся из прихожей. Господа журналисты послушно расставались со своим оружием. Внезапно вспомнилась сцена, любимая многими режиссерами, когда, сдаваясь, преступники кидают на

землю ножи, ружья, пистолеты.

«На самом деле видеоролик может нанести не меньший урон. Убить наповал не в прямом смысле, а опосредованно. И если за физическое убийство человек понесет наказание, то, опубликовав на ютубе или показав по ТВ компрометирующий материал, никто ни за что не отвечает. Свобода слова, твою мать!»

– Вот смотрите сами, – пророкотал Кирсанов. – На первом этаже две комнаты и кухня. Загляните, убедитесь, что здесь никто не держит вашего коллегу пристегнутым к батарее.

Послышались нерешительные шаги, и на кухню заглянул Женька Маляев.

– Здравсьте, – смущенно поздоровался он с тетей Валею, а на Саньку, сидевшую вполоборота, даже не взглянул.

– Нет тут никакого Толяна, – провозгласил Женька, возвратившись в коридор.

– На втором этаже еще посмотрите и в подвал спуститесь, – добродушно фыркнул Кирсанов и добавил жестко: – За технику не беспокойтесь. Никто не украдет. А пока вы по дому бродить будете, Слава проверит вашу аппаратуру. И все, что касается моей личной жизни, удалит.

– Вы не имеете права, – резко заявила девчонка. Санька услышала в голосе нервные нотки.

– Вы тоже не имеете права преследовать меня и мою семью, – прорычал Кирсанов.

– У нас задание редакции, – с вызовом бросила девица.

– А у меня конституционные права, – пробурчал генерал. – Поэтому расстаемся полюбовно и больше не встречаемся, ребята. Тем более в суде. Все ясно?

– Ну да, – промычал кто-то из парней.

– Вот и хорошо. Тогда идете с Димой на второй этаж и в подвал. Ищете там Анатолия Меньшикова. Потом получаете свою технику и уезжаете. Понятно?

– Да-а, – проблеяли журналисты.

– Отлично, – подытожил Кирсанов.

– Дайте нам интервью, пожалуйста, – нахально заявила девица.

– Вы, наверное, меня с кем-то перепутали, – недовольно хмыкнул генерал. – Я не звезда экрана, девушка, и интервью не даю, – отрезал напоследок и зашел на кухню.

– Так, народ, – обратился он к родственницам. – На кладбище поедem, потом по деревне погуляем. Или разделимся?

– Сереженька, что же это такое творится? – схватила за голову тетка. – В чем тебя подозревают?

– Сейчас уйдут представители древнейшей профессии, расскажу, – отмахнулся Кирсанов и, увидев банку с облепихой, быстро шагнул к столу. Отвинтил крышку и опрокинул содержимое в рот.

– Сережа, это же для Лешеньки, – пробурчала тетка.

– Он всю банку не съест, – усмехнулся Кирсанов, присаживаясь к столу и запивая сладкую массу Санькиным чаем. – А что? – удивленно воззрился на тетку. – Тут всем хватит. И

можно подумать, у тебя, тетя Валь, одна банка!

– Полный погреб! – радостно доложила тетка. – Только бы эти журналюги не покрали. Зачем ты их в дом позвал?

Кирсанов сразу не ответил, прислушиваясь к возне в коридоре. Потом хлопнула дверь, за ней калитка, и в кухню ввалились Крепс с Асисеем.

– Додумались, блин, – пробурчал под нос Асисей. – Человек с семьей поехал к заложнику! Вот ведь идиоты, а? А девка эта вообще безбашенная...

– Нормальная девушка, – фыркнул Крепс. – А нападает от страха...

– А ты психолог, да? – усмехнулся Асисей.

– Хватит вам, – одернул свою охрану Кирсанов. – Садитесь лучше чай пить. Потом Слава с Ларой и Валентиной пойдет, а ты, Крепс, с нами на кладбище прокатишься.

– Да не нужна нам никакая охрана, – замахали руками женщины.

– Тебе положено, – фыркнула тетка, – вот ты с ними и ходи. А я тут, почитай, выросла и полжизни провела. Сама справлюсь!

Александра лениво следила за перепалкой родственников, краем глаза отмечая, как сын из прозрачной розетки ест варенье, аккуратно зачерпывая ложечкой, и думала, думала.

«Как же хорошо, что у нас с Лешиком появилась семья. И тетка у Сергея классная. Так и хочется положить ей на плечо голову и поделиться секретами, – подумалось внезап-

но. – Странно, – одернула себя Александра. – Вот к Люсе я таких порывов никогда не испытывала», – мысленно усмехнулась она и тут же уставилась в телефон. Пришло сообщение о публикации Красного Перца.

«Твою мать, Женечка», – выругалась про себя Санька и принципиально решила не открывать инстаграм. Даже статистику в блоге проверять не стала. Просто засунула телефон подальше, решив не снимать местную достопримечательность: белую церковь на снежном холме.

– Красиво тут, Сережа, – восторженно воскликнула Александра, любясь припорошенными снегом рябинами, иногда попадающимися вдоль дороги.

– Пост напишешь про Никифоровку? – улыбнулся муж, привлекая Александру к себе. Они шли по главной дорожке кладбища, оставив машину на входе около церкви.

– Посмотрим, – отмахнулась она, прекрасно зная, что ничего писать не будет.

– Напиши, – пробурчал муж, держа ее за руку и уверенно шагая по утоптанной дорожке. – Не все же о лимфодренаже писать.

– Ты меня читаешь? – удивилась она, а про себя подумала: «Ну как я могла упустить такой момент!»

– Конечно, – довольно фыркнул Кирсанов. – И я, и пацаны, – он кивнул в сторону плетущихся сзади телохранителей, а потом добавил со значением: – Гоголь тоже на тебя подписан, Санечка!

– Обалдеть, – фыркнула Санька. – А президент? Министр обороны?

– Не знаю, девочка, – Кирсанов на ходу чмокнул жену в губы. – Может, и они подписаны. Если скажут при случае, я тебе передам...

– Сережа-а, – протянула она, цепляясь за его рукав. – Ладно ты и ребята, но разве Николаю Васильевичу интересно про платья читать и про заказы на айхерб?

– Пиши про Никифоровку. Типа ездила и понравилось.

– А как же конспирация? – удивилась Санька. – Могут догадаться, что я твоя жена.

– Из поста никто не узнает, Сань, – поморщился Кирсанов.

– Один знает точно, – пробормотала она, с изумлением отмечая, что муж даже остановился и снова сгреб ее в охапку.

– Кто? Говори, – рыкнул, не сдерживаясь.

– Женя Маляев, Красный Перец. Он сегодня у нас Толяна искал.

– А ты откуда знаешь?

– Я знакома с ним, Сереж! В окно увидела. Когда кто-то на кухню заглянул, я отвернулась. Женька теперь в догадках теряется, я или нет на тетяВалиной кухне сидела. А если я пост о Никифоровке опубликую, то все сразу поймет.

– Умно, – кивнул Кирсанов и, поморщившись добавил: – Головы бы этим журналюгам поотрывал. Но нельзя, блин! А

с Маляевым поговорить нужно. Подписку взять...

– Он не скажет, Сереж, – тихо, но твердо заметила Санька. – Красный Перец – мужик правильный. У него принципы. Правда, стихи пишет матерные...

– Зайду почитаю, – криво усмехнулся Кирсанов, – или ты мне на ночь глядя продекламируешь!

– Не надейся, – фыркнула она и тихонечко пихнула мужа локтем. И тотчас почувствовала, как ее предплечье оказалось в стальном зажиме. Кирсанов моментально подхватил на руки и, перекинув через плечо, понес куда-то в сторону от дороги. Александра успела заметить веселые ухмылки охраны, когда муж, сделав следующий шаг, ушел по пояс в сугроб. Санька почувствовала, как падает лицом в снег, слышала где-то знакомые голоса.

– Сначала Санечку, – откуда-то снизу прорычал муж, и сильные руки Крепса и Асися подхватили ее и поставили на ровную поверхность. Как черт из табакерки, следом выпрыгнул сам Кирсанов. Подскочил к жене, принялся ощупывать.

– Ты цела? – проревел в ухо. – Ничего не поломала?

– Да вроде бы, – пробормотала она, отряхивая снег.

– Дальше не пойдем, – решил Кирсанов. – Так можно на крест или ограду напороться. Хорошо хоть, легким испугом отделались, – недовольно пробурчал он и, взяв Саньку за руку, повел обратно. – Совсем чуть-чуть не дошли, – печально вздохнул он. – И как я про этот овражек забыл, – хмыкнул недовольно себе под нос.

– Может, как-нибудь обойдем? – нерешительно поинтересовалась Санька.

– Моя мать не обидится, – скривился Кирсанов. – А ты мне живая и здоровая нужна, Санечка, – улыбнулся он и пробубнил себе под нос: – Идиотская идея в такую пору по кладбищу шастать. Поехали в центр! Там наших встретим.

А подойдя к машине, отдал ключи Асисяю.

– Едем в парк, Слава, – обронил мимоходом и, усадив жену на заднее сиденье, сам плюхнулся рядом. Прижал к себе и прошептал на ухо.

– Испугался за тебя, Санечка. Никогда ни за кого не боялся, а тут перетряхнуло всего.

– Сережка, – пробормотала Санька и осторожно пробралась мужу под куртку и огладила по груди. Он достал шаловливую ручку и поцеловал ладошку и тыльную сторону.

– Господь уберег, – пробурчал чуть слышно.

Кирсанов оказался прав. Валентина с ребенком гуляли по аллеям маленького скверика. Лешик заворуженно разглядывал деревянные фигуры сказочных персонажей, вырезанные местным умельцем.

– Мама, смотри, смотри, вон Лиса с колобком, а там дальше журавль с тарелкой! Помнишь, мы читали?!

– Интересные фигуры, – восхитилась Санька. – Смотрятся как живые...

– Это Серегин родственник ваял, – неохотно пробурчала Валентина. – Младший брат отца.

– Родственник? – изумилась Александра, гадая, почему муж раньше не рассказал об удивительном скульпторе.

– Никто, – скривился Кирсанов. – Он никогда нас знать не желал, – хмыкнул Кирсанов. – Всегда стороной обходил. Жив еще, тетя Валь, или помер?

– Жив. На том свете уже прогулы ставят, – фыркнула Валентина. – А что ему сделается? Поди, восемьдесят лет в этом году. Всю жизнь для себя живет, в нашем клубе художником проработал до самой старости. Ни детей, ни плетей. Хобби у него такое – из дерева вырезать, – хмыкнула она.

– Бог с ним, – отмахнулся Кирсанов, оглядываясь по сторонам. – А Лара где?

Глава 4

Вернувшись домой, Александра почувствовала сильную усталость. Голова раскалывалась на части, хотелось уткнуться носом в подушку и проспать до утра. Кирсанов на кухне ужинал и вместе с сестрой обсуждал какую-то тетю Таню, школьную подружку матери. Санька закрыла глаза, пытаясь вздремнуть, но сначала пришел под бок Лешик, а потом звякнуло сообщение инстаграм. Одно, а затем и второе. И если первым оказалось дурацкое послание от Красного Перца, то прочитав второе, Санька разозлилась не на шутку. Зойка-Зайка выложила Санькин пост о развивающих играх. Правда, переписала своими словами. Получилось топорно и глупо.

– Теперь эту тему педалировать нельзя, – пробурчала Александра себе под нос и, огладив сына по спинке, прочла еще раз Женькино сообщение.

– Солнц, – писал он. – Не знаю, каким ты боком к Кирсанову, но я тебя видел у него на кухне. Догадываюсь, почему ты внезапно решила поискать Толика Меньшикова... Но хочу предупредить по-братски, не лезь в эту историю. Если человек похищает неудобных, то должен понести наказание.

– Женя, – нетерпеливо напечатала Александра. – Кирсанов – мой муж, и я ему помогаю. Любые инсинуации неуместны. – Добавила недовольный смайл.

– Не знал, не знал, дорогая! – ухмыляющийся смайлик.

– Это между нами, Жень, – тут же предупредила Санька.

– Не беспокойся, я твой секрет не выдам, – куча смеющихся смайликов. – А ты не могла выбрать в мужа кого-нибудь из порядочных людей? Я, конечно, понимаю, что там роскошный генофонд, но вот что с интеллектом делать, а?

– Жень, не юродствуй, – написала Санька. – Сергей – умный и порядочный человек. Никого не крал и вообще против криминала.

– Ты так уверена, Сашенька? Ну-ну, – тут же пришел ответ от Женьки. А вторым сообщением шли стихи:

– Всем смертным трахаться охота,
Спустив штаны, задрав забрало.
Но вот не верится мне что-то
В любовь. Твою и генерала.

– Тоже мне Станиславский, блин, – раздраженно ответила Санька и поставила негодующий смайлик. – Оставь моего мужа в покое!

– Не-а, – напечатал Женька. – Он теперь мой герой. Я про него стихи пишу.

– Рифмуешь герой-геморрой? – не удержалась Санька и добавила серьезно: – Poiищи своего Меньшикова где-нибудь еще, Жень. Проверьте друзей и любовниц, поговорите с коллегами из других издательств. Может, куда поехал по их заданию?

– Уже все проверили, Саш, – с печальным смайлом прислал сообщение Женька. – Нет Тольки нигде. Ни у друзей, ни у любовниц. Карточками не пользовался, и камеры наблюдения около метро показали, что он вышел на Савеловской и куда-то пропал.

– Электрички проверили? Там вокзал рядом, – быстро напечатала Санька.

– Не знаю, Саш, полиция занимается.

– Вот и хорошо, – написала Санька. – И ты делами займись. Оставь моего мужа в покое. Понял?

– Не-а, – прислал ухмылочку Красный Перец. – Я про него поэму сочинил. По мотивам Твардовского «Ленин и печник». Ух! Огонь! Сейчас в блоге выложу. Приходи читать.

– Обязательно, – ехидно заметила Санька и, отложив смартфон в сторону, попыталась уснуть. Но сон не шел. Дверь чуть слышно приоткрылась, и в комнату просочился Кирсанов. Нагнулся над женой, осторожно клюнул в висок.

– Я не сплю, – прошептала Санька, потянувшись к мужу. – Голова сильно болит...

– Сейчас, – пробубнил он и, взяв ее ладошку в свои лапищи, нажал ногтем на какую-то точку.

«Мастер акупунктуры, блин!» – мысленно ругнулась Санька. Но внезапно головная боль прошла.

– Поспи, – пробурчал Кирсанов, накрывая ее губы своими. – Поспи, девочка, – повторил, когда поцелуй закончился. – Я на базу смотаюсь и вернусь.

– А можно не ехать? – пробормотала она и саму себя мысленно обозвала дурочкой.

– Можно, – кивнул муж, – но надо!

Когда за Кирсановым захлопнулась дверь, Санька открыла инстаграм и принялась строчить пост о плагиате.

«Плагиум в римском праве означало преступную продажу в рабство свободного человека и каралось плетьюми. Может, стоит вернуть эту практику и всыпать некоторым по первое число прилюдно?» – Прикрепила несколько картинок с надписями «плагиат стоп» и опубликовала пост. Потом под другим ником зашла к Красному Перцу и обалдела. Поэта-матерщинника несло по кочкам.

«Женя, блин!» – мысленно ругнулась Александра и по диагонали быстро прочла «поэму».

«Вот же идиот, – фыркнула она. – А если Кирсанов обидится?» – вздохнула про себя Санька и перечитала заново первые четверостишия:

У меня очко выиграло,
Перешел с ходьбы на бег.
Я гостил у генерала,
Взяв с собою двух коллег.

День был благостный, погожий,
На полях искрился снег.
Отымел он нас в прихожей,
Нехороший человек.

«О Господи, – мысленно ужаснулась Санька. – Красный Перец в своем репертуаре, а Сергей точно обидится, да еще ополчится на Женьку!»

Она прочитала комментарии и внезапно обратила внимание на реплику некой Александры Серегиной.

– Даже не мечтай, мальчик!

Естественно, коммент ничего из себя не представлял, но у Саньки екнуло внутри.

«Александра, да еще и Серегина», – мысленно хмыкнула она и полезла в профиль к подозрительной девице. А там сиськи в латексе, губы бантиком... все дела!

Санька внимательно глянула на список друзей и, чтобы не расхохотаться в голос и не разбудить сына, зажала себе рот рукой.

Подписчиков у Серегиной значилось четверо, что не новость для свежего аккаунта. Бывает! Но Санька сразу поняла, кто скрывается за незамысловатыми никами. Клоунесса – Слава Лунин, он же Асисяй, Блин Горелый – Крепс, Оля Егорова – скорее всего, Гоголь, и завершал хит-парад друзей, подтверждая Санькину версию, Миша Павлов, решивший обойтись без развеселого ника.

Она снова вернулась на страницу Красного Перца и в череде комментов быстро нашла Клоунессу и Блина. Те обзывали поэта бледным чмом и писали, что до генерала еще нужно дослужиться.

А Оля Егорова со знанием дела едко прошлась по стилистическим ошибкам.

«Тролли», – хмыкнула Александра и снова вчиталась в нетленку Красного Перца.

Без напряжения и азарта
Обилетил, в дом впустив,
И довел нас до инфаркта,
Позабыв презерватив.

Подошел сперва с вопросом...
Мы такие – ну а че?
А потом бежали кроссом,
Хрен закинув на плечо.

«Придурки», – мысленно нахмурилась Санька и, сунув телефон под подушку, постаралась заснуть. И сразу провалилась в сон. Она снова и снова падала в сугроб головой, и Кирсанов спасал ее из ледяного плена. Доставал, ощупывал каждую косточку. В какой-то момент Александре даже почудилось, что Сергей не проверяет целостность костей, а ласково оглаживает Марту и Берту. Она открыла глаза и тут же сонно уставилась на мужа, лежавшего рядом.

– А Лешик? – пробубнила она, садясь на кровати.

– Алексей в койке спит, – доложил Кирсанов, потянул Саньку к себе. – Как голова, Санечка? Еще болит?

– Ага, – жалостливо промычала она, укладываясь к нему

на плечо.

– Сейчас полечу, – радостно ухмыльнулся Кирсанов, стягивая с жены трусики и задирая майку.

Потом, когда любовный пыл сменился томной усталостью, Санька заворочалась в кольце Кирсановских рук и пробормотала:

– Я тебя вычислила, Александра Серегина!

– Пфф... Подумаешь, ребус! – фыркнул муж. – Я знал, что ты догадаешься!

– Как тебе поэма, Сереж? – осторожно поинтересовалась она.

– Нормально, – хмыкнул он, целуя ее в висок. – Мне раньше никто стихи не посвящал и в любви не признавался.

– В любви? – удивилась она, приподнявшись на локте.

– Ну да, – радостно улыбнулся Кирсанов. – Вот написал твой знакомый графоман:

И от страха мне не спится,
Глаз закрою, обоссусь.
Генерал ночами снится,
Жду с ним встречи, не дождусь!

– Я написала Красному Перцу, что он идиот, – пробормотала Александра, закрывая глаза.

– Да пусть развлекается, Сань, – отмахнулся Кирсанов, – пока не указана фамилия загадочного генерала, трахающего все подряд, мне по барабану. Но если твой знакомец позво-

лит себе личный выпад, пусть тогда не обижается. Только это не пиши, а то чудака-человек решит, что я ему угрожаю.

– Ладно, – прошептала Александра, целуя мужа в ключицу. Лично передам. На Имболк всей толпой встречаться будем.

– Что? – Кирсанов, отстранившись, аж приподнялся на локте и навис над ней. – Ни одного слова не понял, Сань. Поясни.

– Есть магические праздники, называются они Колесо года. Энергетически сильные дни. Вот мы и придумали встречать их вместе. На удачу. Йоль совпал с новогодним корпоративом, а Имболк приходится на первое февраля.

– Глупости какие – отмечать языческие праздники, – фыркнул себе под нос Кирсанов. – Никуда ты не пойдешь, Александра, – погасив свет, заключил он и накрыл ее и себя одеялом.

– Это еще почему? – прошипела Санька. – Я что, могу передвигаться только с твоего разрешения? Шаг влево, шаг вправо – расстрел?

– Мне нужно напомнить, что тебя хотят грохнуть? – рыкнул он. – В кафе, или где там вы собираетесь, я не смогу обеспечить твою безопасность.

– Давай начистоту, Сережа, – вскинулась Александра и уселась на кровати. – Включи свет, пожалуйста, – попросила она.

Кирсанов послушно нажал на кнопку, и комната снова

озарилась золотым свечением.

– До утра не терпит? – усевшись на кровати, пробурчал он сердито.

«Магические праздники она отмечает, – рыкнул он про себя. – Вот же дурочка! Собственной башки не жалко».

– Нет, – хмыкнула Александра и поморщилась. Каждое движение головы причиняло боль. – Мне кажется, тебе стоит признаться, что тормоза на айке и взрывчатка в Рэндже – твоя работа. То есть не было никаких покушений. Скорее всего, и тормоза целы, и под тачку Павлова муляж прикрепили. Я же об покушениях знаю только с твоих слов. И склонна думать, что это такой метод ухаживания. Ну чтобы я уехать с тобой согласилась и замуж вышла.

– Что за чушь, Саня? – Кирсанов негодуя уставился на жену и, взяв себя в руки, серьезно поинтересовался: – Ты действительно так считаешь?

– Ну да, – передернула плечами она. – Эти напасти начались с твоим появлением и закончились перед нашей свадьбой. Все логично. Тебе нужен был этот брак, и роль спасателя отлично сработала.

– Чушь, – пробурчал он. – Ты хоть сама понимаешь, что говоришь ерунду?

– Только тебе выгодно было запугать меня, – тяжело вздохнула жена. – И среди моих многочисленных знакомых только у тебя имеется необходимый ресурс.

– Я понял, – просипел Кирсанов через силу. – Спокойной

ночи, дорогая! – он выключил лампу и, повернувшись спиной к жене, дал понять, что разговор окончен. А утром ни свет ни заря отбыл на базу и сразу же устроил проверку боевой готовности. Весь день в кармане пиликал телефон, но Кирсанов лишь сумрачно глядел на каждый вызов, крепче сжимал челюсти и не собирался отвечать. Пять от Ларисы и три от Алены. Еще пару раз позвонила тетя Валя.

– Плевать, – пробурчал он себе под нос, еле сдерживаясь, чтобы не врезать кулаком в стену. – Потом перезвоню, – рыкнул он. – Что же вы сами не звоните, Александра Андреевна? – скривился в недоброй усмешке. – Считаете себя обиженной?

Кирсанов раздраженно бросил телефон в ящик стола и отправился в спортзал.

«Тем, кто выйдет со мной в спарринг, точно не повезет», – внутренне поморщился он и попытался взять себя в руки. Но обида и гнев перевешивали любой эффект от дыхательной гимнастики и прочих увещеваний.

«Значит, я подстроил покушения, Александра Андреевна? – мысленно обратился он к жене, скрипя зубами и сжав кулаки в карманах. – Тормоза лично перерезал? Или подослал кого? А взрывчатку под Рэндж? Или это все сказочки, чтобы вас запугать?»

Генерал отмахнулся от мрачных мыслей, чувствуя, как едкая горечь, заполнившая душу, растекается по венам, остается в каждой клетке.

«Раз в жизни открыл душу, – поморщился он, как от зубной боли. – Влюбился, как последний дурак! Но что делать, если она мне не верит и считает злодеем? Может, по разумению Александры Андреевны, я и журналиста украл? Теперь пытаю его в подвале! В любви клялась, а сама... – мысленно проревел Кирсанов и запретил себе думать о жене. – Все потом... – решил он. – Пусть строит дурацкие версии. Пусть анализирует всякую чушь, но я глаз с нее не спущу. Имболк какой-то отмечать собралась. Отмечай, дорогая! Я с тобой сам пойду. А не захочешь терпеть меня рядом, взвод отправлю тебя охранять!» – мысленно прорычал генерал, входя в спортивный зал.

– Ну-ка, танцоры, – обратился он к бойцам, желая как можно скорее выпустить пар. – Выходи, кто самый смелый!

Бойцы переглянулись между собой, замялись. Получить нокаут никому не хотелось. Кирсанов всматривался в лица, понимая, что им сейчас можно не только детей пугать, но и вот этих здоровенных мужиков.

– Крепс звонил, – серьезно обронил Асисяй сразу после спарринга. – Попросил Ларисе перезвонить, шеф.

– Обойдется, – пробурчал Кирсанов, смахивая со лба пот. Ясное дело, сейчас средняя сестрица начнет учить его уму-разуму.

«Ишь, бабский батальон, – усмехнулся он. – О как оборону держат! Хорошо хоть у сына телефона нет, а то бы и он позвонил!»

И вернувшись к себе в кабинет, выудил мобильник из ящика и поставил на беззвучный режим. Уселся в кресло и, поняв, что раздражение на жену никуда не делось, решил поработать основательно. Затребовал всю документацию для проверки, не обойдя своим вниманием даже пищеблок.

– Меню, бракеражные книги, все несите! – рыкнул он помощникам, прекрасно понимая, что никогда не лез в дела общепита и впервые в жизни запросил у них отчетность.

«Лучшее средство от домашних скандалов – это служба, – вспомнилась некстати поговорка Гоголя. – И то верно», – сварливо заметил про себя Кирсанов и углубился в бумаги.

Он нашел ошибки в составленных при царе Горохе инструкциях и срочно велел их переписать. Увидел излишне списанные в брак продукты и, что-то быстро прикинув на калькуляторе, довел начальника пищеблока до сердечного приступа. Вынес выговоры личному составу, кое-кого не пустил в увольнение, а двух долбоящеров отправил на гауптвахту. Немного полегчало. Но Кирсанов, понимая, что к ночи станет еще хуже, решил заночевать на базе, а утром устроить небольшой марш-бросок.

«Отдохните без меня, Александра Андреевна», – пробурчал он обиженно и мысленно попенял жене, что так и не удосужилась позвонить ему в течение дня. Кирсанов бросил сердитый взгляд на смартфон, выпускаемый одним из предприятий Министерства обороны и защищенный от прослушки, заметил, как засветился экран. Телефон на столе снова

завибрировал, и Кирсанов, увидев, что на этот раз звонит сам Гоголь, решил ответить. Все-таки руководство, да и не станет Ларка вовлекать его начальство в домашние дразги.

– Здравия желаю, товарищ генерал! – бодро отрапортовал он в трубку и тут же услышал отборный мат.

– Ты там совсем ополоумел, Бек? – проорал Гоголь. – С катушек съехал?

– Что случилось, Николай Васильевич? – уточнил Кирсанов, пытаясь понять, кто или что взбодрило начальника.

«Если сеструха, – мысленно ошетинился он, – голову откручу!»

– Тебе сестры звонят, почему трубку не берешь? – проревел начальник. – Почему Лариса меня вынуждена просить? Что за детский сад, Бек?

– Я Ларе скажу, – устало вздохнул Кирсанов и от досады даже потер переносицу.

«Лишь бы сдержаться, твою мать», – пронеслось в голове.

– Больше она вас не побеспокоит, товарищ генерал, – заверил он Гоголя и, полагая, что разговор закончен, добавил: – Сейчас наберу. А я занят был. Провожу проверку на базе. На завтра марш-бросок запланирован с полной выкладкой...

– Кому ты втираешь, Бек? – недовольно усмехнулся Егоров. – Ларисе не звони. Сразу езжай в госпиталь. Договаривайся с врачами. Я, конечно, административный ресурс включил, коли до тебя достучаться не могли. Но дальше сам,

ладно?

– Ничего не понял, Николай Васильевич, – беспокойно пробубнил Кирсанов и даже подскочил из-за стола. – Лара в больнице? Что случилось?

– Да мы все тут, – прорычал шеф. – Александра Андреевна в тяжелом состоянии. Сейчас по скорой привезли. А ты непонятно где ошиваешься, да еще трубку не берешь!

– Где она?! Что с ней?! – рявкнул Бек не сдерживаясь. – Я уже еду! – проорал он, срываясь с места. – Говори точный адрес, бать!

Глава 5

Из-за усилившейся головной боли уснуть Саньке так и не удалось. Да и при каждом движении казалось, что под черепом перекатывается пудовая гиря. Она слышала, как рядом недовольно кряхтел и ворочался Кирсанов.

«Не спится вам, товарищ генерал», – ехидно пробурчала про себя Александра и уже собралась попросить мужа принести обезболивающее, но, пока раздумывала, Кирсанов заснул, и на всю спальню раздался храп благоверного.

Опустив на голову подушку, Александра закрыла глаза и попыталась уснуть, но от генеральского храпа голова разболелась еще сильнее.

«Встать бы и уйти на диван, – подумала она, но тут же поймала себя на мысли, что сил двигаться больше не осталось. Даже дотянуться до мужа и пнуть его коленкой показалось Александре непосильной задачей. – Интересно, а если он в засаде уснет, то себя храпом выдаст? Там не спят, – мысленно усмехнулась она. – И не сидят генералы в засаде. По рангу не положено». Александра дернула головой и тут же поморщилась от резкой боли. Прижав подушку к уху, она откатилась на самый край кровати и, почувствовав небольшое облегчение, провалилась в глубокий тревожный сон.

«Даже не сон, а кошмар какой-то», – мысленно ужаснулась Санька, вспоминая, как падала в огромную шахту, а к

ней со всех сторон тянулись руки. Тонкие женские с маникюром и грубые мужские лапищи.

Она дернулась, и в тот же миг голова снова напомнила о себе резкой болью. От дневного света, пробивавшегося сквозь тонкие шторы, резануло глаза. Санька, крепко сжав веки, решила полежать еще немного, надеясь, что вот-вот полегчает. И опять провалилась в забытие и полетела в черную яму. Она отбивалась от тянущихся к ней рук, но яма сужалась, и Саньке казалось, что еще минута, и ее схватят. Кто? Она не имела понятия и только догадывалась, что тогда произойдет что-то страшное. Внезапно послышался плач. Тоненький, жалобный. Санька, вздрогнув, пришла в себя и усилием воли разлепила глаза. Сквозь застилающую плену боли уставилась на сына.

– Лешик, – пробормотала она. – Не плачь, пожалуйста!

– Мамочка, не умирай, – проскулил сын и, уткнувшись ей в грудь, разревелся. Сил осталось только погладить ребенка по спине и попытаться отвлечь. – Сейчас я немного полежу, – прошептала Санька, – и пойдем кушать.

– А я поел, – тут же сообщил сын. – Два пирожка достал из блюда и из папиной кружки попил чай, – доложил Лешик и улегся рядом. – Я полежу с тобой, и все пройдет, да? – воззрился на нее с надеждой.

– Ну, конечно, мой хороший, – прошептала Санька и с трудом водрузила руку себе на лоб.

«Температуры нет, значит, ребенка не заражу», – подума-

ла она и тут услышала, как в прихожей щелкнул замок.

– Беги, – попросила она сына, – посмотри, кто пришел. И приведи сюда, пожалуйста, – твердо и уверенно проговорила она, надеясь, что ее умненький мальчик исполнит все в точности.

– Саша, что случилось? – от двери обеспокоенно поинтересовалась Лариса. – Ты заболела, что ли?

– Температуры нет, – пробормотала Санька. – Только голова кружится и болит.

– Переутомление... – неуверенно поставила диагноз зловка.

– С чего бы? – тихо хмыкнула Александра и попросила: – Помоги мне подняться, я в туалет схожу и снова лягу.

– Хорошо, – кивнула Лара и, внимательно глянув на невестку, тут же позвонила брату. – Не берет пока, – вздохнула она. – Наверное, занят. Освободится, сам наберет, – завила она Александру и помогла встать. – Держись, подружка, – пробурчала негромко.

Санька чувствовала, как с каждым шагом жизнь уходит из-под ног. И когда снова вернулась в постель, почувствовала себя еще хуже.

– Поешь что-нибудь, – обеспокоенно предложила Лара невестке.

– Не хочу, – слабо поморщилась Санька. – Сил нет и тошнит. Я лучше посплю.

– Мне нужно документы на Смоленскую отнести. Специ-

ально сегодня пораньше с работы ушла. Вот мы с Лешей и прогуляемся, – предложила Лариса и торопливо пробормотала: – Если ты не возражаешь...

– Конечно, идите, – мотнула головой Александра и чуть не вскрикнула от боли. – Погуляйте, а я пока посплю, – снова провалилась в беспроглядную тьму. Она открывала глаза и опять погружалась в сонное марево. Видела над собой обеспокоенное лицо Ларисы, а потом почему-то Гоголя.

«Наверное, приснилось», – про себя хмыкнула она, а в следующий раз, очнувшись, неожиданно уставилась на мужчину в белом халате.

– Вы не падали, Александра Андреевна? – ласково поинтересовался он. – Головой не ударялись?

– Я вчера упала, – прошептала Санька и почувствовала страшную усталость. – Стукнулась головой, совсем не больно.

– Где упали? – улыбнулся врач.

– На кладбище, – вздохнула Санька и прикрыла глаза.

– Вас нужно госпитализировать, – строго заметил врач. – Мне не нравится ваше состояние.

– А как же Лешик? – беспокойно глянула на золовку Санька. – Я не могу.

– Не волнуйся, он со мной останется. Сейчас до Сергея дозвонюсь, – пробурчала золовка, и Александре показалось, что она добавила какое-то ругательство.

Странно, но Кирсанов не отвечал. Даже звонки Асисяю

не дали результата.

«Занят. Так занят», – прошептала про себя Александра, совершенно забыв о ночной ссоре. Она чувствовала, как заботливые руки Ларисы укутывают ее в одеяло, как доктор и фельдшер перекладывают ее в одночасье ставшее тяжелым тело на носилки. Услышала надрывный плач Лешика.

– Мы следом поедem, – рыкнул кто-то голосом Кирсановского начальника. – Не бойсь, пацан.

– Я с Сашенькой, Коля, – предупредила кого-то Лариса. – А ты с Крепсом и Лешей сзади. И позвони этому недоумку, моему брату.

– Так точно, – пробурчал Гоголь.

Александра совершенно не запомнила, как ехали в клинику. Какие-то узкие улочки в центре Москвы. Оставалась безучастной, пока делали компьютерную томографию и другие исследования. Слышала лишь вздохи врачей и отдельные возгласы.

– Сотрясение и ушиб мозга... Хлыстовая травма... Проверь, нет ли компрессионного перелома в шейном отделе...

Санька будто со стороны рассматривала свое неподвижное тело, наблюдала за врачами и понятия не имела, где сейчас находится ее сын. А вот когда в клинику ворвался муж, поняла сразу. Все забегали, зашептались. Обычная вежливость персонала сменилась приторной учтивостью.

А уж когда у доктора, худого лысого мужичка, зазвонил сотовый, сомнений у Александры не осталось.

– Да, – коротко бросил он и, выслушав собеседника, проскрежетал: – Да знаю я! Он нам тут клинику по кирпичику разнесет. – Трубка снова заголосила противно. – Хорошо, – смиренно заметил доктор. – Сейчас назначения сделаю и выйду. Нет, раньше нельзя, – рыкнул он. – Для меня пациентка дороже ее мужа, – отрезал он.

– Я хочу видеть его, пожалуйста, – прошептала Санька, пристально глядя на доктора. – Я вас очень прошу...

– Почему вы плачете? Вам же нельзя волноваться, – изумился врач.

– Я хочу его видеть, Петр Владимирович, – упрямо всхлипнула Александра. – Пожалуйста...

– Уговорили, – улыбнулся он. – Сейчас поставим капельницу, а после я разрешу вам увидеться. Но пять минут, не больше...

– Ага, – кивнула Санька, вытирая слезы. – А можно до капельницы? Пожалуйста! Я умру без него... – снова всхлипнула Александра.

– У нас такие вещи не поощряются, – пробурчал доктор. – Уколы вам поставим, и я его приведу. На пять минут. В порядке исключения, – вздохнул он, а про себя подумал, что хуже нет, когда начинают давить административным ресурсом. Вон главврач из дому позвонила, в вестибюле, говорят, два генерала толкуются. Один старый, другой помоложе...

«Интересно, который из них муж нашей контуженной девицы? – мысленно хмыкнул доктор. – И что же произошло,

если удар пришелся на темечко и затылок? Будто ее кто за ноги взял и об асфальт приложил. Так упасть сама она точно не могла, – поморщился он, – но твердит, что упала. Стойкая жена командира. Хотя, если бытовое насилие, девчонку жалко. Красивая... – и, открыв дверь, увидел двух крепко сколоченных мужиков, напряженно уставившихся на него. – Кто же наш муж, девонька?» – снова поинтересовался про себя, а вслух устало осведомился:

– Родственники Кирсановой... – и не успел договорить, когда рядом оказался тот, что помоложе. Высокий мускулистый человек с властным пронизывающим взглядом.

– Я ее муж, – рыкнул молодой генерал. – Что с Александрой Андреевной? Когда я могу ее увидеть? – засыпал он вопросами.

– У нее сотрясение и ушиб головного мозга в легкой степени. Как контузия, понимаете.

– Где ее так угораздило? – пробурчал генерал и раздраженно уставился на доктора.

«Можно подумать, это я ей по башке двинул», – с досадой подумал тот и заметил спокойно:

– Говорит, что упала на кладбище...

– А-а, – недовольно проревел Кирсанов и рассеянно потер затылок. – Это мы вчера там в сугроб свалились. Я виноват...

«Хорошо хоть так, – снова подумал доктор, исподволь рассматривая мужа пациентки. – Этот один раз двинет и сразу на лифте к святому Петру отправит».

– Сколько вы ее тут продержите? – пробурчал Кирсанов, заходя в отделение.

– Не меньше двух недель в лучшем случае. У вашей жены маленькая внутричерепная гематома. Будем молиться, чтобы рассосалась. Нет, придется ликвор откачивать...

– Угу, – кивнул Кирсанов и, быстро набрав знакомый номер, велел: – Так, Алена, с сегодняшнего дня и до полного выздоровления Санечки моей пусть твои курицы читают молитвы за здоровье. Ну не знаю, сама реши, – проворчал он сварливо. – Сорокоусты или молебны всякие... Я в этих тонкостях ничего не понимаю. Но на храм и монастырь пожертвую, – коротко бросил он и не прощаясь закончил беседу. – Насчет молитв я договорился, – обратился он к изумленному доктору. – Но и от медицины требуется полная отдача. Какие лекарства нужны, скажите. Я все достану, – предупредил он и добавил строго: – Позже еще раз академику Виленскому позвоню.

– Это мой учитель, – кивнул Петр Владимирович, прекрасно понимая, что буквально через полчаса на уши встанут все нейрохирурги Москвы и чиновники Минздрава. «Начнется свистопляска, – устало подумал он, точно зная, что ему позвонят абсолютно все. – Будто это поможет лечению?»

– Иван Дмитриевич сейчас на конференции в Цюрихе, – безучастно сообщил он, хотя в душе все клокотало. – Он не всегда берет трубку.

– Увидит мой номер, ответит, – криво усмехнулся генерал, давая понять, что с Виленским знаком лично. – Вы мне лучше расскажите, что еще можно предпринять, Петр Владимирович? – рыкнул он, покосившись на докторский бэйджик, пришпиленный к карману. – Александру Андреевну нужно обстоятельно вылечить и в короткие сроки поднять на ноги, – скомандовал он, и несчастному доктору вдруг захотелось вытянуться во фрунт и гаркнуть изо всей мочи: «Слушаюсь, товарищ командир!».

«Интересно, а с женой он тоже так обращается?» – мысленно озадачился доктор, открывая дверь в маленькую одноместную палату в конце коридора. И тут же изумился перемене. Строгий начальник в одну секунду пропал, превратившись во влюбленного и потерянного мальчишку.

– Как же так, Санечка? – пробасил недоуменно генерал, наклоняясь над женой и слегка касаясь губами ее лба. – Почему вчера ничего не сказала?

– Так особо не болело, Сережа-а, – слабо улыбнулась Александра, глядя по руке мужа. – Как хорошо, что ты смог ко мне вырваться, – прошептала она, и доктор, зашедший следом, заметил, как загорелись глаза безучастной до этого пациентки.

– Да я сразу примчался, родненькая, – пробурчал он, усаживаясь на стоявший рядом стул. Взял в свои лапищи хрупкую ладошку. – Санечка, – пророкотал он, целуя руку жены. – Мы тебя на ноги быстро поставим, не беспокойся. Ишь,

болеть удумала...

Александра легко похлопала слабой рукой по костяшкам Кирсановских пальцев и тихо пробормотала:

– Сережа-а.

Она перевела взгляд на доктора, а тот, посчитав эту сцену интимной, ретировался в ординаторскую.

– Я сказала, что упала сама, – заговорщицки прошептала она. – Иначе тебя еще в побоях обвинят.

Кирсанов внутренне поморщился и почувствовал, как закололо сердце.

«Тебе, дураку, такая женщина досталась, – попенял он самому себе, – а ты ж. пу морщишь, обижаешься! Ну не идиот ли? Она даже в тяжелом состоянии тебя защищает. Вон журналиста этого искать надумала... А ты? Дебил отмороженный», – мысленно рыкнул он. Улыбнулся жене и прошептал ласково:

– Ты моя защитница, Санечка.

– Люблю тебя, – пробормотала она, стараясь не разреветься. – Сережа, Лешик с кем останется?

– Так, – пробурчал добродушно Кирсанов. – Реветь запрещается. Понятно, Александра Андреевна? У Ларки дела какие-то срочные. Она не сможет с работы отпроситься или отпуск взять. Поэтому уже позвонила тете Вале. Кажется, она понравилась Алексею. Вот и будут вместе хозяйничать... А вечером Лара...

– А ты? – тихо прошептала Санька, боясь, что именно сей-

час, когда муж ей нужен, его зашлют в дальние дали.

– А я с тобой, – прорычал он. – Сиделку найдем, конечно. Но за тобой приглядывать нужно. Развлекать...

– Обойдусь, – хмыкнула она. – Я все время сплю, зачем тебе рядом сидеть?

– Сон – это хорошо, – пробубнил Кирсанов, – а вот когда ты в последний раз ела, Санечка? – будто на допросе «языка», сурово осведомился он.

– Я? – замялась Александра, словно ее поймали с поличным. – Не помню, Сереж... Кажется, вчера, – невесело хмыкнула она и поспешно добавила: – Но что-то не хочется... Меня тошнит постоянно.

– Ну это не дело, – подхватился Кирсанов и понесся в ординаторскую.

Буквально через пять минут дверь распахнулась, и дородная санитарка с необъятной грудью с подносом вкатилась в палату.

– Что же ты, Сашенька, сразу не сказала? – запричитала она, выставляя на выдвигающийся столик чашку с чаем и тарелочку с вареным яйцом и незамысловатым бутербродом: хлебом с маслом.

– Мне не хочется, – проямлила Александра, стараясь не смотреть на еду. – Плохо себя чувствую...

– А лучше, когда внутривенно глюкозу назначат? – всплеснула руками санитарка.

– Нет, мы так поедим, – раздался от двери добродушный

бас Кирсанова. – Спасибо, тетя Нина, как бы мы без вас справились!

– Ой, Сергей Юрьевич, – затараторила санитарка, – для вас все что угодно...

– Спасибо, Нина Николаевна! На таких людях, как вы, земля наша держится. Я позову, если что, – заверил Кирсанов, технично выпроваживая санитарку из палаты. Потом ласково глянул на жену и заявил: – Прояви характер, Александра, съешь все.

– Я не могу, Сережа-а, – взмолилась она. – Устала очень. Сил нет.

– Разговоры, – хмыкнул Кирсанов и, вынув из кармана джинсов связку ключей, принялся отцеплять брелок. Потом достал оттуда небольшой нож с узким лезвием и быстро нарезал бутерброд поперек. Получилось штук пять маленьких тонких кусочков. – Так, мадам, – пробурчал строго. – Пьем чай и закусываем бутером. За меня, за Алексея...

Санька внимательно глянула на белую чашечку и не решилась дотронуться до нее, боясь перевернуть.

– Сама пить сможешь? – настороженно поинтересовался Кирсанов и тут же предостерег: – Подожди, я помогу.

Как заправская сиделка, быстро понажимал кнопки сбоку кровати, и когда изголовье приподнялось, аккуратно поднес чашку к Санькиным губам.

– По глоточку, Санечка, по кусочку, – словно малышке, объяснил он. – Скоро силы прибавятся, – как старый дед,

бубнил муж, и от этого речитатива становилось легче, будто микро-частички Кирсановской мощи передались ей. И пока Санька замороженно внимала мужу, он быстро вложил ей в рот маленький кусочек хлеба с маслом.

– Жуй, жуй, глотай, – пробурчал ласково и, быстро очистив яйцо, разрезал его на четыре части.

А к концу незамысловатого обеда в палату зашла медсестра ставить капельницы.

– Что тут происходит? – охнула она. – Зачем вы накормили больную?

– За столом, – пробурчал недовольный Кирсанов и обронил раздраженно: – Вместо того, чтобы помощь оказывать, вы ходите неизвестно где и скандалы тут устраиваете...

Медсестра, пожилая миловидная тетка, вспыхнула и выскочила вон из палаты. А следом зашел доктор Петр Владимирович и хрупкий старичок в очочках в золотой оправе.

– Кто тут у нас свои порядки наводит? – ласково пригрозил старичок и на глазах у изумленной медсестры, протиснувшейся следом, и Санькиного лечащего врача раскрыл объятия.

– Знакомься, Санечка, – пророкотал довольный Кирсанов, выпустив наконец старика из медвежьих лап. – Это Иван Дмитриевич Виленский. Ради тебя из Цюриха прилетел! Я ему полностью доверяю. Он мою башку пару раз штопал, – рассмеялся он. – И тебя на ноги поставит!

Александра встретила взглядом с обрадовавшимся

Кирсановым, посмотрела на застывшего около стены доктора и испуганную медсестру.

«Кирсанов, твою ж налево, – вздохнула она про себя. – Устроил шоу! Хотя для того, чтобы вернуться побыстрее к сыну, все средства хороши. Да и Сережке хочется мне силушку показать. Поухаживать. Вон как хвост распушил», – мысленно усмехнулась она и снова посмотрела на мужа влюбленными глазами.

Глава 6

– Сережа, – хрипло прошептала Санька, проснувшись утром, – я хочу шоколадку. Хоть маленький кусочек. Наверное, внизу в буфете есть. Купи, пожалуйста!

– Ага, – тут же согласился Кирсанов, заметив слабый румянец на щеках жены, – только сначала у врачей спрошу. Вон как меня вчера за чай с бутербродом отругали.

– Как прапорщика? – слабо улыбнулась Александра, лежа на высоких подушках.

– Да, здесь я рядовой, – хмыкнул муж, растирая ладонью затекшую шею. – Твоя сиделка...

– Вот странно, – пробормотала Санька. – Сиделка – слово женского рода и имеет один смысл, а сиделец – мужского, и значение совершенно другое.

– Умная ты у меня, – радостно улыбнулся Кирсанов. – Самая умная девочка. Ну и красивая тоже. Лежи тут, не балуйся, – чмокнув ее в лоб, пробурчал он и, точно зная, что никакого буфета в клинике нет, взял в гардеробе куртку и отправился в близлежащий магазин за шоколадкой. Но там толпились люди, да и сами шоколадки, валявшиеся на витрине, показались Кирсанову подозрительными.

«Тут до Елисеевского, если быстрым шагом, – мысленно почесал он репу, – минут пять-семь ходьбы. – И наскоро выйдя кривыми переулками к Тверской, оказался неподале-

ку от памятника Пушкину. – До дома рукой подать, – про себя отметил Кирсанов. – Хорошо бы зайти, успокоить сына и сестру с теткой», – пробурчал он, но тут же поморщился, прекрасно понимая, что не может надолго оставить жену. Тревожные мысли сейчас же полезли из всех щелей. Кирсанов вспомнил, как сначала, наплевав на правила, гнал в город как сумасшедший, как боялся даже представить, что на жену кто-то напал. За свою жизнь он повидал ни мало раненых и убитых. И вот ей богу, ни за что в жизни не желал бы видеть Александру с проломленным черепом или еще хуже, опознавать ее в морге.

«Что я упустил и где напортачил? – мысленно поморщился он, крепко сжимая руль. – Кто и почему охотился на мою Санечку? И как получилось, что эта охота оказалась удачной?»

Уже из Рэнджа Кирсанов позвонил Егорову.

– Что полиция говорит, Николай Васильевич? Кто напал? Где? – еле сдерживаясь, чтобы не наорать на своего начальника, пробурчал Кирсанов.

– Александра Андреевна из дому не выходила, Бек. Она вчера где-то ударилась. А последствия только сегодня сказались. Лешенька Ларису на помощь позвал. Вон с сиреной по городу везли. Кругом сплошные пробки... Хорошо хоть гаишники помогли.

– А-а-а, – промычал Кирсанов в трубку и, взяв себя в руки, добавил. – Я уже подъезжаю, батя. Уже на Малой Дмит-

ровке.

– Ждем тебя, – отрезал Гоголь. – И мы, и врачи...

«Перетрухал ты знатно, Сережа, – мысленно усмехнулся Кирсанов. – Но заслужил. Ей-богу, заслужил! – хмыкнул он, сворачивая в знакомый проулок. – Озаботился бы раньше трубку снять. Спасибо шефу и Лариске. – Он все еще пытался осознать, что же в приключилось с его женой. – Голова болела? Но это же не смертельно. Из-за таких пустяков не вызывают скорую и не везут с сиреной в частную клинику, специализирующуюся на нейрохирургии. Травма? Если только из-за вчерашнего падения. Гематома, твою мать! – мысленно рыкнул Кирсанов. – Что же там валяется в проклятом сугробе? – внутренне скривился он. – Нужно поехать в Никифоровку... раскопать весь этот долбаный снег, – подумал он. – Вот только когда? Я теперь все время при Санечке. Ни на шаг от нее не отойду. Бедная моя девочка страдала, а я, урод, даже позвонить ей не удосужился. Алексей сильно перепугался, – внутренне поморщился он и снова внес сам себе вердикт: – Придурок ты, Сережа. Не зря сестры тебя ругают. Ларка чуть ли не с кулаками накинулась, да и Алена прислала гневное сообщение. Но спасибо, сестрички, что помогли, – перевел он дух. – Лариса всех на уши подняла, пока я свой дурацкий характер показывал. А матушка Пелагея молилась за Санечкино здоровье. Хорошо хоть жена не обидчивая попалась, – тяжело вздохнул Кирсанов, подходя к Елисеевскому. – Простила сразу же. Даже каяться не пришлось,

поверила брехне про опасную и трудную службу, – снова поморщился он, почувствовав тяжесть на сердце и угрызения совести. – Я твое доверие оправдаю, Санечка моя, – про себя поклялся он, сжимая зубы. – Исправлюсь, милая, обещаю».

За своими мыслями он не заметил бредущего навстречу человека в черной куртке и в наброшенном на голову капюшоне. Чуть не столкнулся с ним. Пробормотал под нос: «Простите!» – и направился к витрине с шоколадом. Человек в черной куртке, глянув изумленно и испуганно, даже не сумел скрыть удивления.

«Говорят, в Москве невозможно встретиться случайно», – хмыкнул он про себя, с улицы наблюдая через огромное стекло, как его заклятый враг покупает сладости в нарядной коробке и быстро спешит к выходу.

«Спасибо Аллаху!» – мысленно воздел руки к небу Реза и, дав кровному врагу немного форы, последовал за ним.

– Жаль, нет с собой пистолета или ножа, – скривился он. – Я бы тебя, собака, сейчас завалил. Только тебя голыми руками не возьмешь. Да, Бек? – сжав челюсти, рыкнул Реза, провожая кровного врага по многолюдной улице. – Ну погоди, я тебе устрою, – хищно осклабился он, с усмешкой наблюдая, как Кирсанов покупает в цветочной лавке букет и спешит дальше, во дворы.

«Ишь ты, – хмыкнул мысленно Реза, напряженно глядя в мощную широкую спину. – Ты ничего не боишься, отродье Иблиса? Только я отниму у тебя самое дорогое, как и ты от-

нял у меня, – сжал кулаки Реза, будто снова увидев безжизненное тело Фатимы, валявшееся в проходе самолета. Ее и Муслима. – Тебе конец, Бек, – рыкнул он про себя. – Ведь не зря же Аллах даровал мне эту встречу. А ты и не заметил ничего», – мысленно усмехнулся Реза, бредя за Кирсановым по кривым московским улочкам, и уставился на невысокие ворота и пропускной пункт рядом. Аккуратная аллея с елочками вела к белоснежному особняку дореволюционной постройки. «Центр неврологии и нейрохирургии «Нейрон», – значилось на золоченой вывеске. Кирсанов шагнул в будку к охраннику. Кивнул по-свойски, показал пропуск и, внезапно оказавшись на территории клиники, бодрой походкой проследовал в здание.

«Ай-яй, – внутренне осклабился Реза. – Ты, оказывается, на голову больной, – мысленно фыркнул он и побрел прочь. – А ты, Бек, даже не заметил меня, – криво усмехнулся Реза, понимая, что ни в чем не преуспел. – Ну увидел Кирсанова, – поморщился он. – Но, наверное, он цветы и конфеты купил врачу. А судя по тому, что охранник его признал за своего, то, наверное, нашего боевого генерала лечат именно здесь. Нервы в порядок приводят, мозги вправляют».

Реза ошибался. И в первую очередь в том, что Кирсанов его не заметил.

«Я тебя, гад, сразу срисовал, – пробурчал себе под нос Бек и, поднявшись на второй этаж, остановился около окна. Хитрым взглядом окинул удаляющуюся фигуру. – Ну здрав-

ствуи, Реза, – хищно оскалился он. – Москва, дружок, не резиновая, и тебя вслед за Джамилем выпрем. Некогда мне было по дворам петлять, – раздраженно подумал Кирсанов и добавил мысленно: – Ну держись, Реза! Разозлил ты меня!»

Он вошел в палату и сразу же воззрился на Александру. Слабая и бледная Санечка улыбнулась ему заговорщицки.

– Куда ты ходил, Сережа-а? – пробормотала она. – Я уже заждалась тебя. Магазин вроде напротив.

– Так шоколада хотелось? – довольно обронил Кирсанов, наклоняясь к жене и накрывая ее губы своими. – Я в Елисейский сгонял, – тут же доложил он. – На вот! – протянул жене коробку конфет и букет из белых роз и ирисов.

– Сережа-а, – запричитала Санька. – Ну зачем?

– Тебя радовать, – широко улыбнулся он. – Смотри на цветы, ешь конфетки, Санечка. Набирайся сил.

Александра, будто маленькая, прижав букет к себе, развязала бант на нарядной коробке. Осторожно потянула вверх крышку и смешно скосила глаза, пытаясь разглядеть содержимое, не отрывая от подушки голову.

– Давай помогу, – добродушно предложил муж и, откинув в сторону крышку преподнес Александре конфеты, лежащие стройными рядами. Потом оглянулся по сторонам в поисках вазы.

– Ух ты! – слышался восторженный возглас Александры. Кирсанов покосился на жену, благоговейно разглядывающую сердечки из белого, розового и традиционного шо-

колада. Санька вгляделась в красные букочки, расположившиеся на белом фоне и сложенные в самые главные слова на свете. «Я люблю тебя!»

– Такое есть нельзя, – мотнула она головой и предательски всхлипнула.

– Мне опять от твоих врачей попадет, – насупился Кирсанов. – Тебе же нервничать нельзя, Санечка, – пробурчал он недовольно.

– Не буду, – пролепетала она, потянувшись к нему.

– Я люблю тебя, – прошептал он, убирая с ее лица прядки. – Ешь конфеты, глупая женщина. Сейчас цветы в вазу поставлю и тебя чаем напою, – заявил он и, включив электрический чайник, бросился искать вазу или хотя бы трехлитровый баллон. Ваз в отделении не оказалось, зато баллон нашелся на кухне.

«Твою мать, – ощерился Кирсанов, вернувшись в палату и набирая в туалете воду. – Реза, как же я мог позабыть про тебя?»

Водрузив букет на тумбочку, примостившуюся около окна, осторожно поинтересовался у жены:

– Здесь оставить, Санечка? Вроде бы отсюда на веник открывается прекрасный вид.

– Спасибо, Сережа, – кивнула она и поманила мужа к себе. Кирсанов уселся рядом. Взял ее руки в свои. – Я обидела тебя недоверием, прости, – прошептала она, укладывая голову ему на предплечье.

– Я сам виноват, Сань, – пробурчал он, целуя ее в макушку. – Нужно было сразу найти твоих недоброжелателей, а я замотался со своими проблемами. Никак не ожидал, что мои бойцы банк ограбят. Думал, как их вызволить, пока не понял, что никто никого не подставлял. Сами дураки. Даже с воровством твоих текстов не разобрался. Айтишникам дал поручение, но не проверил. Вот ты, Санечка, и сделала ложные умозаключения, хотя опиралась на верные вводные. Бывает... Но я, – Кирсанов тяжело вздохнул и ласково провел пальцем по щеке жены. Потом осторожно, стараясь не задеть корсет, плотно поддерживающий Санькину голову и шею, помог жене лечь на подушку. – Я исправлюсь, Санечка, – рыкнул он. – Всех найду и обезврежу, – заявил он. – Только ты должна побережься. Понимаешь? Без охраны теперь никуда.

– И здесь перед дверью пост организуешь? – охнула она, чувствуя, что муж снова что-то недоговаривает.

«Верчу, кручу, обыграть хочу, – хмыкнула она про себя и неожиданно решила: – Если ему так спокойнее, пусть нас с Лешиком хоть целый взвод охраняет».

– Здесь? – уточнил Кирсанов. – И меня одного за глаза хватит. А если кто сунется, – хмыкнул он. – Ноги узлом завяжу и плясать заставлю. Я имею в виду потом, когда на ноги встанешь.

– Это еще нескоро, – тяжело вздохнула Александра. – Петр Владимирович говорит, что месяц мне тут валяться, не

меньше.

– Медицина рулит, – развел руками Кирсанов. – Наше дело команды исполнять, Санечка. Ну ничего, прорвемся. Хочешь, почитаю тебе? Или просто поболтаем? – предложил он. А когда жена, утомившись, задремала, вышел в санузел и оттуда позвонил Гоголю.

– Видел Резу, бать, – кратко бросил он. – В Елисеевском отирался. Может, нужно проверить все камеры наблюдения в округе и найти место, где обретается эта мразь? И пост клиники прошу моими бойцами усилить. До самого порога за мной шел. Думаю, еще под окна явится... Хорошо бы прихватить его здесь.

Реза Парвизи, проводив Кирсанова, быстро направился к Елисеевскому.

– Где ты, брат? – поинтересовался у него Фархад. – Мы уже подъехали.

– Я тоже подхожу, – спокойно заметил Реза. – Прогулялся тут по району. Красиво.

– В самом центре очень дорогая недвижимость, – пробурчал Фархад. – С какой стороны ты идешь? Я пойду навстречу.

– Разминемся, – недовольно фыркнул Реза. – Стой на месте.

Потом, вернувшись обратно в гастроном, он подошел к витрине с шоколадом.

– Моя невеста любит конфеты? – с усмешкой поинтересовался он. – Купить ей?

– Не знаю, – поморщился Фархад. – Эта дурочка рыдает дни напролет по своему Камиллю. Не думаю, что от сладкого ей полегчает.

– Намекни ей, что я не потерплю ее слез. Тем более из-за какого-то гяура.

– Может, тебе лучше взять в жены другую сестру? Лейла моложе на год, она тоже красивая и пока не просватана.

– Фотку покажи, – ослабился Реза и, увидев нарядную девушку, поморщился. – Нет, она мне не подходит. Хочу Кристину.

– Как скажешь, – пожал плечами Фархад, – пойдем в чайхану, обсудим.

Реза кивнул, направляясь вслед за родственником.

– Она знает, что станет моей женой?

– Да, – торопливо заверил Фархад. – Ревет не переставая. Мы ее в доме заперли...

– Камиля сразу прогнали? Она с ним не видится?

– Да. В тот же день, как ты написал, Реза, – пробурчал Фархад. – И Камиля мы к ней больше не подпускаем. Из дома ей выходить запрещено. Мать и тетка держат Кристину взаперти. Даже еду приносят в комнату.

– Правильно, – довольно обронил Реза и настойчиво поинтересовался. – К акушерке водили? Кристина не понесла?

– Нет, – проямлил Фархад, смущаясь таких подробно-

стей. – То есть к врачам ходили. УЗИ делали и анализ крови брали. Сестра не беременна от Камиля.

– Значит, – усмехнулся Реза. – Давай зайдем в ювелирный, хочу купить украшения на махр.

– Конечно, – пробубнил Фархад. – Я помогу выбрать, чтобы сестре понравилось.

– Я сам, мальчик, – криво усмехнулся Реза. – А ты подумай, есть ли доверенный мулла в вашем окружении.

– Так в любой мечети... только необходимо договориться заранее, – удивился Фархад.

– Мне нужен человек, что, узнав мое настоящее имя, не побежит к властям, понимаешь? – Реза крепко ухватил родственника за локоть. – Кто не выдаст меня.

– Хорошо, – кивнул Фархад. – Но я не совсем понимаю, как ты потом вывезешь Кристину в Швейцарию...

– А кто тебе сказал, мой дорогой, что я собираюсь вернуться туда? У меня здесь есть дела. Пока их не решу, никуда не поеду.

– Дела? – изумился Фархад, открывая дверь в чайхану и пропуская вперед старшего родственника. – Ты же только приехал в Москву!

– Ну и что? – ощерился Реза, и Фахад увидел, как у него на скулах заиграли желваки. – Тут обретается Бек. Пока не вырву из его груди сердце, а из горла кадык, не успокоюсь.

Они прошли в дальний угол и сели за небольшой липкий стол. Реза поморщился.

– Что мы тут делаем, брат?

– Поговорим с людьми и поедем домой, – кратко бросил Фархад и махнул рукой толстому старику.

– Здравствуй, Реза, – улыбнулся тот, подходя поближе. – Прошу к нашему очагу.

– Благодарю тебя за приглашение, но мы очень спешим, – растянул непослушные губы в подобии улыбки Реза.

– Моему брату нужен мулла, надежный и проверенный. Реза женится на моей сестре.

– Это не проблема, – заверил хозяин чайханы. – Я помогу. Когда свадьба?

– Через три дня, – решил Реза, а у Фархада глаза чуть не вылезли из орбит.

– Я передам сестре, – тихо прошептал он.

Александра проснулась уже под вечер, когда по коридору под звук торопливых шагов прогрохотала каталка, а затем хлопнули двери лифта.

«Кому-то еще хуже, чем мне, – внутренне вздохнула Александра. – Кого-то повезли в реанимацию. Дай бог, чтобы спасли», – мысленно взмолилась она и перевела взгляд на кресло, где, откинув голову на изголовье и приоткрыв рот, дрых Сергей. Воспользовавшись тем, что муж спит, Санька достала из-под подушки телефон и написала короткий пост в инстаграм. Вся суть сообщения сводилась к фразе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.